Наследницы моря

Автор:
Сара Хеннинг

Наследницы моря

Сара Хеннинг

Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мираМорская ведьма #2

Всем известно, чем пришлось пожертвовать ради любви юной русалочке. Однако никто не знает, что отдала за свою свободу и власть над подводным миром морская ведьма.

Их было трое: Алия, прекрасная юная русалочка, которая отдала голос в обмен на любовь принца. Ее сестра, Руна, готовая во что бы то ни стало спасти Алию. И Эви, заключенная в морской тюрьме ведьма.

Чтобы выжить, каждой из них придется воспользоваться древней магией глубин. Однако море коварно, а цена может оказаться непомерно высокой.

Сара Хеннинг

Наследницы моря

Sarah Henning

Sea Witch Rising

Copyright © 2019 by HarperCollins Publishers Published by arrangement with HarperCollins Children’s Books, a division of HarperCollins Publishers

© Сибуль А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

«Хеннинг создала темную и мистическую сказку, подобную водам, что заполняют страницы этой книги».

Эдриенн Янг, автор бестселлеров «Небеса в глубине», «Девушка, которую вернуло море»

«Да здравствует новая Королева моря! Магия. Любовь и тайны утянут вас с головой под воду!»

Даниэль Пейдж, автор бестселлеров New York Times «Дороти должна умереть»

***

Посвящается моей сестре Меган – скучаю по тебе каждый день.

И Джастину – гонки на машинах свершились. Вроде как.

***

Уходи, отправляйся прочь —

По бушующей воде.

Для рожденного на земле

Наступила вечная ночь.

Уходи, возвращайся вспять —

И доносится бури рев,

Что плетет посмертный покров

Для того, кто посмел предать.

Уходи, поди с глаз долой —

На дне морском, средь ила,

Лежит теперь могила,

Ее вечный тревожим покой.

Хоровая рабочая песня матросов

под названием «Месть Русалки»

Пролог

– Твой голос остается в твоем распоряжении еще пару минут, дорогая. Используй это время с умом.

Девушка снова сглатывает и делает глубокий вдох.

– Впервые я увидела Николаса в тот день, когда мне исполнилось пятнадцать. Можно сказать, это была любовь с первого взгляда. Только вот я уже видела его лицо. Его статуя стоит в саду у нас во дворце. Эти красные розы, что я принесла вам, растут прямо…

– Да, Ольденбурги помешаны на статуях, – подтверждаю я. Я снова говорю как Ханса. – Но что-то я пока не вижу в этой истории любви. Сплошные совпадения и садоводство.

Девушка облизывает губы и продолжает:

– Я оставалась у его корабля всю ночь, наблюдая за ним. Затем после полуночи начался ужасный шторм. Волны хлестали так сильно, что корабль перевернулся на бок. Матросы плавали в воде, но я не могла отыскать взглядом принца. – Тут она запнулась. – Я нырнула и опускалась на глубину, пока не отыскала его. Николас не шевелил ни руками, ни ногами. Глаза его были закрыты. Я подняла Николаса на поверхность и держала его голову над водой. Так мы провели всю ночь. Когда встало солнце и море успокоилось, я поцеловала его в лоб и доставила на берег.

Машинально мое щупальце крепче сжимает ее талию, когда я вспоминаю об Аннамэтти. Хотя я столько раз видела эту историю в книгах, что выучила ее наизусть: шторм, кораблекрушение, спасение.

– И? – спрашиваю я.

– Я оставила его на пляже рядом с большим зданием, а сама спряталась за камнями, покрытыми морской пеной. Вскоре его обнаружила прекрасная девушка и забила тревогу. Я знала, что принц будет жить. Он очнулся и улыбнулся девушке.

– А тебе?

– Нет, – голос девушки снова обретает решительные нотки, – но я желала ту улыбку. И желаю ее до сих пор. Мне нужно, чтобы он знал: это я его спасла. Я

его люблю. И хочу, чтобы Николас меня полюбил.

Ах. Она мне соврала.

– Но ты сказала, что он уже любит тебя.

Обличенная девушка отводит взгляд. Помолчав, она продолжает:

– Последний год я наблюдала за ним. Я знаю: если мне удастся стать человеком, принц полюбит меня. Он считает, что влюблен в девушку с пляжа, но я спасла его. Я спасла Николаса.

Как и Анна, эта девочка верит, что заслуживает его. И она готова рискнуть жизнью и всем, что есть, ради принца. Но ею не движет месть.

Эта гостья хочет жить долго и счастливо.

И я не могу упрекнуть ее в этом. Даже после стольких лет я продолжаю хотеть того же для себя.

– Это очень глупый поступок, – говорю я наконец, – но ты должна сделать так, как считаешь нужным.

С последних страниц книги «Морская ведьма»

1

Эви

Самые острые вещи не притупляются.

Мой коралловый нож светится в тенях, которые я зову домом. Призрачно-белый из-за магии. Зазубренный клинок достаточно остер и может рассечь волос пополам.

Красивый. Смертельный. Идеальный.

Остается лишь надеяться, что его окажется достаточно, когда они придут.

Спустя несколько часов с того момента, как маленькая русалочка покинула моря ради земли в поисках настоящей любви, я это почувствовала. Тягу. Нить, натянувшуюся и ослабшую.

Я почувствовала ее в своих костях, словно гниль в костном мозге, гной в легких, кишках и сердце. И все же этот приступ боли должен был наступить. Нужно было, чтобы он наступил. Власть моря не способна царить вечно.

За время моей жизни под водой баланс магии изменился. Сила медленно стекала с земли в море, пока большая часть магии земли не погрузилась в глубины царства морского царя. Она обречена подчиняться неестественному для нее господину. Теперь нарушение баланса так очевидно, что только его я и вижу за пределами логова, то есть моей пещеры; за моим лесом из полипов. Трещины в земле пузырятся торфом, а мощные водовороты кружат сирен на глубине. Там, за жутковатым голубым свечением замка морского царя и его земель, магия в изобилии. Она тяжелая и безграничная.

После того как русалочка покинула меня, я начала думать: невозможно, чтобы магия на земле просто исчезла – хотя это в действительности легко объяснить. Нас, ведьм, так немного. На нас охотились, убивали, изгоняли. Нам подобных уничтожали одну за другой столетиями – пока земля не потеряла почти всю свою магию и тех, кто умел ее контролировать. Начиная с Марен Сплиид и ее смерти от рук короля – охотника на ведьм, а также в течение многих лет до меня всех нас отправляли в загробную жизнь. Однако я не умерла. Не совсем. И потому моя магия все еще принадлежит мне. Смесь магии земли и моря.

Я вспоминаю время, проведенное на суше. Оттепель в душе кристаллизуется, становится прозрачной и голубой. Я являлась ведьмой, загнанной под землю страхом – я даже не знала, как использовать свою силу. Вот так тетя Ханса пыталась уберечь меня. Скрывая мою силу, подавляя ее. Словно это то, что можно запереть в шкафу подальше от любопытных глаз. С глаз долой, из сердца вон.

Но теперь мои глаза открылись.

Баланс магии всегда был неустойчивым. Он построен на обмене. Не только заклинания, но и вся система. А приливы и отливы силы направлены на тех, кто желает ею обладать. Но как только русалочка ступила на землю, забрав с собой свои силы, весы немного, но склонились снова к земле. Волна облегчения суши пронзила огнем мои кости. Однако кратковременная боль не имеет значения. Мне не требуется эта магия, чтобы жить.

А вот кому-то другому следует многого опасаться.

Я убираю нож – в моей пещере безопасно. Затем достаю книги заклинаний – подарки тети Хансы. По одной в каждом щупальце и по две в обеих руках. Я усаживаюсь на морское дно и листаю их. Тетя Ханса говорила мне, что магия всегда будет искать баланс. Теперь дверь наконец-то открылась. Возможно, я могу ускорить победу суши.

И в тот момент ближайший к пещере полип прочищает горло. Голос, который я забрала у русалочки, пронзает мой мир.

– Разве твои попытки сдержать Тёрхеда и так не обернулись катастрофой? Хочешь попробовать снова?

Я слегка вздрагиваю. За пятьдесят лет я привыкла к тишине. Анна. Она точно чувствует нарушение баланса. Хотя я и дала прежней подруге голос русалочки, нам еще предстоит поговорить о ее поступках: почему Анна это совершила и по какой причине я сделала то, что пришлось сделать ради спасения Ника. Но сейчас не время.

– Это другое, – отвечаю я. Мое заклятие изобилия было направлено на то, чтобы покончить с морским Тёрхедом и вернуть жизнь в сети наших рыбаков. Однако оно нарушило баланс. Это разозлило Урду. Сейчас мое желание полностью противоположно. – Нужно попробовать.

– Хорошо, – продолжает Анна. – Но ты не найдешь желаемого в тех книгах.

Я все равно переворачиваю страницу книги заклинаний. Словно восклицание, вдали раздается взрыв – достаточно сильный, чтобы сбить водовороты с осей; чтобы торфяники начали изрыгать воздух, а песок на морском дне всколыхнулся и поднялся в воду, а потом опустился на другое место. Мой лес полипов – как и Анна, брошенная и скованная магией тела, – изворачивается, шипит и извивается. Его потревожили.

Еще одна подводная мина – спрятанная в воде бомба, жаждущая пробить дыру в нужном корабле и превратить людей на нем в мертвецов.

На поверхности идет война. На суше и на море – даже в воздухе – люди собрались вместе под многочисленными флагами, чтобы убивать друг друга. Тут нет никакой магии, конечно же. Если бы на суше осталась хоть капля магии, возможно, эту войну и не начали бы. Но все же жажда власти – магической или нет – никогда не исчезнет. Как только мины и пули затихнут, границы изменятся. Появится новый вид силы. Снова нарушение баланса.

Анна хочет едко ответить:

– Эви, ты…

– Letta. – Я приказываю стоять. Что-то не так.

И тут, словно в ответ на внезапную тишину, в моем логове раздается звучный голос. Он отдается таким эхом, что у меня стучат зубы. Ветки моего леса полипов, толщиной с кость, сгибаются.

– Не может быть – великая морская ведьма разговаривает сама с собой?

Я замираю, когда он появляется в поле зрения. Сила и магия так и струятся с гостя ужасным потоком.

Морской царь.

Его волосы цвета снега в разгар зимы. Глаза кристально-голубые. Кожа светится избытком жизненных сил, цветущая и яркая. На его голове корона из жемчужин, мерцающих в черепах угрей. Их челюсти приоткрыты подобно букве V, а зубы

острые. Мне никогда не доводилось лично видеть корону, но это само олицетворение жизни, смерти и силы. Напоминание о том, чего можно лишиться, – плоды чьего-то труда, которые отнимут, даже если обнажить клыки.

Морской царь улыбается. Эта улыбка яркая и смертоносная – как и стоило ожидать.

– Должно быть, становится одиноко сидеть тут, в тенях, одной.

Ему ли не знать. Не моя магия или воспоминания удерживают меня здесь, это сила царя. Он так боится того, что я могу сотворить, – хотя плавает передо мной, полный мощи. Это неестественно даже для магических существ.

У него есть слабость к нектару редкого цветка рикифьор – эликсира, который как сдерживает, так и усиливает магию. Сейчас, судя по виду короля, рикифьор попал в его кровь, кости и кожу. Нарушение ощутимого мной баланса связано с этим человеком. Он поглощает столько магии, сколько способно удержать его тело. Потом постоянно удваивает силу, потребляя рикифьор.

Смотреть на него сейчас – словно глядеть прямо на солнце.

Он – сила.

Но раз морской царь появился здесь впервые за пятьдесят лет, его силы недостаточно.

– Иногда, Ваше Величество, это убежище кажется тюрьмой, – говорю я. На лице незваного гостя появляется улыбка. – Но хоть я и не могу уйти, это не означает, что у меня не бывает посетителей.

Тело морского царя напрягается. Да, вот причина его визита. Этот могущественный человек потерял нечто важное. Его дочь исчезла. И что, возможно, еще важнее: с ней пропала и ее магия. Сила девушки напрямую привязана к его чарам. Как я и подозревала, принадлежащая мне прежде нить причинила ему еще больше боли.

– Отзови заклинание и верни ее. Сейчас же, – приказывает он.

Я улыбаюсь, опираясь на свои щупальца. Затем откидываюсь назад, словно королева. Вскидываю бровь.

– Ты вообще знаешь, которая из них ушла? – Известно, что он относится к дочерям как к пешкам в игре. Морской царь использует их красоту и таланты, когда это требуется.

– Оскорбления в мой адрес тебе не помогут, – говорит он. Однако моя улыбка не исчезает, а лишь растягивается от удовольствия, когда уста короля произносят ее имя. – Место Алии в море. Верни ее.

– Ваше Величество, кому, как не вам, знать, что даже вы не в силах контролировать упрямую женщину, – произношу я. Теперь он вспоминает свою первую возлюбленную, Мэтти. Человека, которого он спас, но не смог удержать – ведь сердце женщины разрывалось из-за мечтаний и о нем, и о жизни, что ей предназначалась. – Алия должна сама решать и жить своей жизнью – испытать любовь и свободу. Но вместо этого ты удерживаешь под пяткой ее и весь свой народ ложными обещаниями защиты от людей. С тех пор как Аннамэтти…

– Никогда больше не произноси при мне ее имя, – рычит он. Ярость царя кипит между нами. Это она оставила его, предав морского властителя, его семью и тайны русалок. Надеюсь, Анна сейчас слушает его.

Ноздри короля раздуваются. А я смотрю ему прямо в глаза.

– Как и у Аннамэтти, у Алии четыре дня на то, чтобы влюбить в себя принца и остаться жить – или потерпеть неудачу и умереть. В любом случае ты ее больше не увидишь.

– Я могу тебя уничтожить!

Я скалю зубы.

– О, но ты не сделаешь этого. Даже несмотря на всю украденную тобой силу, я все еще нужна тебе. – Мой голос набирает силу с каждым словом. Он в таком отчаянии. Сам царь не способен вернуть Алию. Одним элементом моей магии он никогда не овладеет. – Я могу вернуть Алию, но мне понадобится кое-что взамен

от тебя. У всего есть цена.

Рот морского царя раскрывается. Я загнала его в угол. Властитель это понимает. Моя просьба простая, и лишь он может ее выполнить. Царь не в силах вернуть мне мою жизнь, потерянное время или Ника – да упокоится он в волнах, – но морской властелин может освободить меня. Слова вертятся на языке, готовые сорваться, когда что-то злобное появляется на его красивом лице.

– У всего есть цена, ведьма, но ты забываешься.

Его зубы щелкают, смыкаясь. Голубизна глаз становится холодной. Вот тогда мне открывается влажная, крепкая уверенность в собственной ошибке. Он не убьет меня. Однако, учитывая силу его магии, тяжелой и неконтролируемой, царь может навредить мне так сильно, что я буду мечтать о смерти.

Сила внутри него – мощная, собранная, украденная с суши и из моря – расширяется и вырывается наружу, словно живая бомба. Подводная мина из магии, которая направлена прямо на меня.

– Morna, herfiligr kvennali?!

Иссохни, мерзкая женщина!

Слова бьют по ушам силой магии. Такой я никогда прежде не чувствовала. Она врезается в меня мощью солнца, падающего с неба и несущегося к земле. Светило приносит достаточно света, чтобы испепелить нас всех за секунду до столкновения.

А затем мой и без того мрачный мир погружается в кромешную тьму.

2

Руна

Следовало понять, что вот так я ее потеряю.

Отдам ему.

Этому мальчику. Этому глупому мальчишке. С его глупыми темными волосами, искристыми глазами и королевской кровью.

Тому, кого она спасла в разгар лета во время страшного шторма, когда снова следила за ним. Оставаясь позади его корабля и надеясь увидеть юношу с братьями, с их слугами, песнями и собаками. Словно они были сотканы из желаний ее сердца и спущены на землю. Достаточно близкие, чтобы она мечтала о них, но весьма далекие и абсолютно другие, чтобы ускользать от нее.

Алия была очарована людьми.

Русалку всегда восхищало то, чего она была лишена. Ступая по краю того, что допустимо здесь, внизу, – испытывая королевское терпение и снисходительность нашего отца. Она спасла того парня, а потом чуть ли не хвасталась, установив в своем саду эту дурацкую статую. Скульптура упала в воду вместе с ним.

Я находилась там, когда Алия впервые увидела его на поверхности. Ее глаза сразу же засветились от любопытства. Нам исполнилось пятнадцать одновременно. Двойняшки – и все же скорее две стороны одной монеты. Мы вместе отправлялись на поверхность, но только одна Алия приходила в такой восторг от мира на суше.

Как только русалка узнала имя юноши, оно не покидало ее губ.

Николас.

Теперь Алия отправилась к нему – я в этом уверена.

Я не видела ее уже день. Мы никогда так надолго не расставались. Мне не остается ничего другого, кроме как поверить: я потеряла Алию, отдав ему. Ведь альтернатива заключается в том, что она мертва или где-то умирает. Моему сердцу лишь предстоит это осознать – чересчур болезненно.

Не то чтобы осознание, что твоя двойняшка бросила тебя, вашу семью и ваш мир ради симпатичного юноши, приятно.

Глупого человеческого маленького принца, который даже не знает ее имени.

– О Алия. Как ты могла так с собой поступить, – бормочу я утреннему приливу. Мой хвост русалки мечется в волнах. Руки сжаты в кулаки по бокам, а ногти оставляют полумесяцы на ладонях. – Как ты могла так с нами поступить.

Магия, превращающая тебя в человека, была запрещена нашим отцом. Он сам ее изобрел – после того, как привел домой свою первую возлюбленную. Но когда это сделали в последний раз, наш народ чуть не оказался уничтожен. Четыре дня, один нож – и правда о жизни под поверхностью моря сорвалась с губ одной из русалок, едва не раскрыв наши тайны и не подвергнув нас опасности. Но Аннамэтти не выжила.

И вот я плаваю в тенях раннего утра – ближе, чем когда-либо, к суше. Мой взгляд остановился на точке, где находится Алия. Я чувствую это.

Замок Ольденбург.

Дом глупого Николаса, его глупой широкой улыбки и глупых ямочек на щеках.

Замок именно такой, каким и описывала его Алия. Стоит высоко на холме. Достаточно старый, чтобы в его крипте находились кости викингов. Он величественнее всего вокруг. Строение возвышается даже над горами позади из-за простой иллюзии перспективы. Город внизу – муравейник из каменных домов, магазинов и других построек. Улицы выложены кирпичами, гладкими в свете восходящего солнца. А люди Хаунештада бегут по своим делам.

Я снова погружаюсь под воду. Возле замка воды безопаснее – буйки не позволяют кораблям швартоваться слишком близко. Поэтому никто не помешает моему продвижению, даже несмотря на утреннюю сумятицу. К тому же здесь имеются мины, предназначенные для кораблей в великой войне людей. Сомневаюсь, что местные переживают или вообще знают о вреде этого оружия для морских обитателей.

Я направляюсь прямо к замку. Путь ясен. Хотя мне никогда раньше не доводилось плавать здесь, все же я его знаю. Поздно ночью, пока наши сестры спали, Алия шептала мне на ухо истории. Истории о том, как она наблюдала за крупными летними празднествами из-под мраморного балкона – его пристроили к старому замку лишь в последние годы.

Утро – не время вечеринок, но этот балкон может служить единственным способом заглянуть в замок из воды. Оставив буйки позади, я заплываю в узкий канал и стараюсь избегать скал по обеим сторонам. Они защищают Ольденбургов от посетителей, которых они бы предпочли избежать. И как только вплываю в укрытие, вижу опоры балкона – они появляются, словно кости скелета, и торчат из морского дна. Опоры возносятся над водной гладью и вновь опускаются на глубину с изящным движением прыжка дельфина.

Над балконом, расположившимся на этих арках, с утеса свисает замок. Он выступает подобно вздернутому подбородку короля-основателя. Его взгляд устремлен вниз, на свои владения – включая даже воды у берегов.

– Море не ваше, жадные людишки, – бормочу я под нос. Мой отец мог построить такой же большой замок из костей Ольденбургов и подобных им – что сражались с морем и проигрывали веками.

Чайки проносятся над поверхностью. Мягкий ветерок ласкает прилив. Осень нежно опускается на мир 1914 года. Из широко распахнутых дверей и окон замка звучит музыка. Внутри меня вспыхивает надежда – нет, сейчас не время для вечеринок. Но где музыка, там и люди.

Я поднимаюсь из воды так, чтобы заглянуть за балкон через три пары открытых дверей. Мужчины в смокингах с прилизанными волосами – на взгляд блестящими и влажными, хотя они и не контактировали с водой, – столпились вокруг чего-то внутри. Там мелькают и дамы. Однако большинство бегает в жестких синих платьях с белыми фартуками. Слуги. Я узнаю суету и чувство ответственности повсюду.

Я начинаю понимать, почему Алии так понравился этот балкон – он скрывал ее от лишних глаз, но вместе с тем позволял легко наблюдать за происходящим наверху. Я минуту наблюдаю, точно не зная, что делать дальше.

Но потом слуга отходит в сторону, убирая тарелки после завтрака. Глазам открывается происходящее.

Танцующая девушка в блестящем золотистом платье.

Алия.

Длинные светлые волосы развеваются, когда она двигается в такт музыке. На лице девушки радостная улыбка. Она всегда была грациозной, да. Но в воде сложно являться другой. Сама атмосфера поощряет повороты, кружение, вращения.

Мой рот открывается. Я вижу, что она умеет делать на двух ногах. Внутри шевелится тяжелое чувство: я никогда не смогла бы двигаться вот так на маленьких прямых ногах – ни сейчас, ни после целой жизни тренировок.

Мы двойняшки, но далеко не одинаковые.

Но вот она здесь. Двигается, словно сама вода. Это притягивает. Все смотрят на нее так же завороженно, как и я. Но хотя в их глазах мерцает радость, мои полны горько-сладкого облегчения.

Моя сестра жива. Но, возможно, ненадолго.

Я знаю, какова сделка. Все знают – даже если отец это запретил. Четыре дня, чтобы завоевать любовь принца или пролить кровь Ольденбургов ради выживания. Иначе она станет пеной на воде.

Один день уже прошел.

Я слишком боюсь шептать – так близко. Но в голове снова и снова прокручиваются слова.

О Алия, что ты наделала?

3

Руна

Мелодия заканчивается. В комнате раздаются аплодисменты. Кто-то просит повторить. Алия приседает в реверансе. Тогда я вижу его в углу – улыбка с опасными ямочками обращена к девушке.

Николас.

– Еще раз, если ты не против, дорогая, – говорит он. Мне не нравится, что парень уже использует ласковые обращения. У нее есть имя, Николас, употребляй его. – Пожалуйста, ради наших гостей.

Алия соглашается. Снова раздается музыка.

Облегчение от осознания, что сестра здесь и жива, отступает. Его место занимает паника – в два, три раза сильнее, чем раньше. Я пытаюсь подавить ее, запереть внутри. Нужно привлечь внимание Алии. Следует с ней поговорить. Воспользовалась ли сестра такой же магией, что и Аннамэтти, когда сделала свой выбор? Чем она пожертвовала, чтобы попасть сюда? Или лучше спросить – кем? Нет, нет, я не могу поверить, что моя дорогая сестра кому-то навредит. Даже ради самого желанного. Аннамэтти направляла месть, а моей сестрой движет любовь – или, по крайней мере, она так считает.

Алия снова начинает танцевать. Зрители отходят подальше, чтобы наблюдать за этим, – все, кроме двух юношей. Тем удается вырваться и выйти на балкон. Сперва кажется, что я могу остаться неподвижной и незамеченной. Однако они продолжают идти до самого угла прямо над моим укрытием.

Конечно же.

Стараясь, чтобы хвост не издал слишком громкий всплеск, я осторожно забираюсь как можно дальше под узорчатый балкон. Затем обхватываю пальцами дугообразную опору, позаботившись о том, чтобы руки оказались вне поля зрения.

Один юноша высокий, другой немного ниже. Оба станут огромной проблемой, если увидят меня. Но мне кажется, они сами не хотят быть замеченными – их голоса тихие, а жесты отрывистые.

– И сколько теперь? – спрашивает высокий. На его раскрасневшемся лице появляется красивая улыбка.

– Я так же хорошо помню цифры, как и вчера вечером, – отзывается низкий парень с ястребиными чертами лица. Он все больше хмурится с каждым словом, произнесенным шепотом. – Пять подлодок.

Я пытаюсь понять незнакомое слово. Подлодка.

– Тс-с-с, – говорит высокий парень, чуть ли не закрывая ему рот. – Не произноси это.

– Точно, прости, – отвечает невысокий юноша. – Слушай, я понимаю, эти новости не воодушевляют, Уилл. Но это все, что у меня есть.

Уилл кивает в ответ.

– Хорошая работа, Филипп. Спасибо. Контракт будет готов завтра. – Он осматривает поверхность воды. – Мой дядя… – Внезапно Уилл замолкает и снова натягивает на лицо улыбку. Сам его голос меняется. Он бодро кладет руку на плечо низкого парня. Теперь юноша стоит спиной к океану. – Так приятно знать, что твои родители направляются сюда, Филипп! Уже вечность не танцевал с твоей дорогой матушкой.

И только тогда я вижу: к ним направляется Николас. Он осмелился надеть изящную корону на голову и вдобавок еще украшения – брошку, запонки из блестящего золота, даже кольцо с кроваво-красными камнями, горящими даже при тусклом свете. Подозреваю, что этому парню нравится собирать блестящие вещички, и моя грациозная сестра – лишь очередное приобретение.

– А, Уилл! Я так и думал, что это ты крадешься, чтобы украсть крингл![1 - Традиционная датская выпечка.] – журит его Николас. Принц не просто хлопает высокого парня по плечу – он его по-настоящему обнимает.

Когда они отстраняются друг от друга, на лице Уилла мелькает виноватое выражение.

– Некоторые вещи я так и не перерос, мой друг, – и крингл один из них.

Я немного передвигаюсь, чтобы видеть Николаса. Тот разговаривает с друзьями. И вдруг другой человек появляется в поле зрения. Она опускает руку на предплечье Уилла.

– О, парни, вот мой найденыш. Разве она не милая? Видели, как она танцует?

Юноши кивают. Николас кружит девушку в танце. Та падает ему в объятия с нелепой улыбкой. Она провела день наверху. На щеках девушки уже больше цвета – хотя, полагаю, это скорее работа Николаса, чем сентябрьского солнца.

– Вы же слышали историю, не правда ли? Уверен, все слухи сейчас только об этом. Я нашел ее вчера на пляже во время обычной прогулки на рассвете. Вся израненная после кораблекрушения. И говорить не может. Ей повезло здесь оказаться, скажу я вам. Теперь она – моя гостья и отличная тансовщица. – Он похлопывает Алию по руке. – Все вышло лучшим образом, не так ли, моя дорогая?

Не может говорить? Меня охватывает облегчение – сестра отдала голос, а не жизнь. Но каким образом? Это даже не имеет смысла. И зачем ей отдавать свой голос? Как он влюбится в Алию, если даже не знает ее имени? Подождите, она же может написать его, не так ли? Конечно же. Но сестра бы уже написала, если бы могла, да? Вопросы спотыкаются друг о друга, пока наверху продолжается обмен любезностями.

– Пожалуйста, познакомься с Филиппом – дальним кузеном по материнской линии, – говорит Николас и указывает на парня пониже. – И Уилл, которого я знаю с детства, но не понимаю: могу ли я все еще называть тебя другом – или больше подходит обращение «кузен»?

Алия переставляет ноги в туфельках, исполняя реверанс перед парнями.

– О, кузены. Пусть формальности вас не смущают, моя леди, – говорит Уилл. – Хотя это станет официальным только через два дня, кому какая разница? Мы будем кузенами до конца наших дней. – Уилл смеется. Его смех мне нравится – и это неприятно. – Почему бы не начать прямо сейчас?

– Отлично, тогда кузен, – соглашается Николас.

Они смеются, и радость заполняет все вокруг. Алия переводит взгляд с Николаса на Уилла и обратно. Она явно сбита с толку. Радость исчезает с лица Николаса. Внезапно мои легкие замирают, когда я осознаю, что делает этих юношей кузенами.

Кровь. Или… О, нет.

Понимание настигает меня. Парни, должно быть, тоже это осознают и уходят под предлогом выпить кофе. Когда они удаляются, Николас убирает ладонь Алии со своей руки и нежно сжимает ее пальцы.

– Милая, – обращается к ней парень, делая глубокий вздох – словно ему есть до этого дело. – Послезавтра я женюсь.

Лицо Алии темнеет. Пальцами другой руки она так впивается в юношу, что сминает накрахмаленную ткань его смокинга. У меня такое чувство, что и мое сердце находится в ее крепкой хватке.

– Хотя прошел всего день, я… я чувствую, словно знаю тебя много лет. Это родство между нами кажется странным – мы оба потерялись в море. То, что нас вынесло на один берег, поистине какое-то чудо, мой маленький найденыш.

Алия кивает, стоя близко к нему с таким невинным выражением лица, что оно передает все, чего не могли бы сказать и тысячи слов. Желая, чтобы он увидел. Молясь, чтобы Николас понял, что знает ее. Ведь Алия спасла его. Это не бог уберег принца после кораблекрушения, утопившего его братьев и отца, а она.

Я задерживаю дыхание, предчувствуя грядущее. Юноша наклоняется к ней. Девушка все еще цепляется за него так, словно от этого зависит ее жизнь. Алия поднимает на него глаза, полные голубого океана. Ее губы и щеки порозовели

после танцев.

Да. Поцелуй ее. Пожалуйста, поцелуй ее.

Чтобы магия сработала, русалке нужно получить поцелуй настоящей любви – все истории одинаковы.

Их губы соприкасаются. Мои руки подгибаются. Я с облегчением съезжаю вниз по опоре. Поцелуй короткий и сладкий. Но еще до того, как он заканчивается, я понимаю: этого недостаточно.

В таком поцелуе нет магии. Он не способен вызвать превращение. Какое бы заклинание Алия ни нашла, чтобы заполучить ноги, у поцелуя не хватает силы оставить ее на земле.

Они слишком быстро отстраняются друг от друга. Все это снова накатывает на Николаса – окружение; люди всего в паре шагов от них в танцевальном зале; то, что он обязан сделать через пару дней.

– Прости. Я теперь король, а долг короля – предстать перед его подданными. После ухода моих братьев и отца… я должен поступить так, как будет лучше всего. В мире теперь так много непонятных вещей… – Он замолкает. Мне остается лишь представлять, как война влияет на наше королевство. – Но понятно одно: несмотря на происходящее, я должен принять правильное решение ради Хаунештада. И единственно верное действие для нового короля – обеспечить продолжение королевского рода.

Продолжение королевского рода. В моих венах кипит злость, а дыхание становится отрывистым. Его королевский род погиб бы, если бы не девушка перед ним.

Король крепко переплетает свои пальцы с пальцами Алии.

– Но пожалуйста, пожалуйста, останься. Ты понравишься Софи – я в этом уверен.

Софи. Я уже ненавижу ее имя.

Он мягко улыбается.

– Возможно, ты станешь одной из ее дам и пробудешь здесь столько, сколько пожелаешь.

Да, да, я была права: этому юноше просто нравится коллекционировать вещи. Девушку, найденную на берегу. А теперь танцующую в замке. Девушку, которой предстоит развлекать его жену, пока ее собственное сердце разрывается от горя.

Действительно, какой добрый и великодушный король.

– Ваше Высочество, – из здания доносится женский голос, – королева требует вашего присутствия в ее покоях.

Николас сжимает пальцы Алии. Рука моей сестры покорно опускается – словно она не увяла от самого страшного удара в своей жизни. Юноша, в которого Алия влюблена, которого она спасла, ради которого рискнула жизнью, не может любить ее. Ведь его сердце связано контрактом отца.

– Скоро увидимся, мой милый найденыш.

И вот он уходит.

Моя сестра обмякает на балконе, положив голову на скрещенные на перилах руки. Плечи поднимаются и опускаются под водопадом волос. Мои пальцы проскальзывают между перекладинами балконного пола – тонкими мраморными лентами, перекрещивающимися под ногами. Я касаюсь мыска ее туфельки – легко, словно дождик. Глаза Алии распахиваются и встречаются с моими. Она сразу же бросает взгляд через плечо в комнату за балконом, где убираются после развлечений за завтраком. Гости ушли. Только пара слуг бегает, закрывая открытые двери.

Когда все двери закрыты, Алия опускается на пол, притворяясь, будто просто смотрит мимо бухты в море.

Мой голос звучит тихо и торопливо. Я перемещаюсь и цепляюсь за опору. Так Алия может видеть мое лицо полностью, пока я засыпаю ее вопросами, больше не в силах их сдерживать.

– Как? Отец хранил книги, которые мы считали уничтоженными? Те, что использовала Аннамэтти? Или ты попросила их – дочерей Мэтти? Почему ты мне ничего не сказала? И что стало с твоим голосом?

Алия делает глубокий вдох и поднимает руки – смотри, говорят ее пальцы. Когда мы были младше, наша старшая сестра, Эйдис, научила нас языку жестов, чтобы общаться в разных концах комнаты во время наших ежедневных занятий, пока учителя смотрели в другую сторону.

Алия показывает одно-единственное слово. Ведьма. Мы использовали его для описания нашего учителя ораторского искусства, у которого имелась привычка погружать нас по шею в песок. Так мы научились правильно говорить, не мешая себе движениями рук и хвоста.

Но я знаю только одну настоящую ведьму. Алия не сама нашла магию в книгах или слухах. Сестра направилась прямо к существу, которому и необязательно знать старые методы – единственная в море, она достаточно опасна, чтобы попробовать сотворить нечто подобное.

– Ты отправилась к морской ведьме? – Мой тон полон потрясения и отвращения одновременно. Если и существует кто-то помимо людей, кого нас постоянно учили бояться, – так это она. Я делаю глубокий вдох и спрашиваю, хотя уже знаю ответ: – И она забрала твой голос?

Алия кивает.

Мое отвращение шевелится и превращается в чистую ярость. Я бы никогда не пожертвовала жизнью, но это... У меня уходят все силы на попытки говорить тихо.

– Так ты действительно не можешь сказать Николасу, что любишь его? Кто ты? Что ты сделала?

Она медленно и печально качает головой.

– Как насчет того, чтобы написать? Ты это можешь сделать? Рассказать ему свою историю вот так?

Алия еще раз качает головой, подтверждая подозрения. Она совершенно беззащитна. Чтобы получить желаемое, сестра может только использовать свою улыбку, блестящие глаза и грациозные танцы. Пока она неплохо справлялась и добралась так далеко, но это… все такое поверхностное. Не говоря уж о том, что принц собирается жениться.

– Этот поцелуй не подходит? Не соответствовал условиям сделки? Ты должна завоевать его любовь, – заключаю я. Алия кивает. Я продолжаю: – Не в поцелуе дело, а в любви.

Алия сжимает мои пальцы, а потом делает жест, означающий человека, – два идущих пальца. Человеческая любовь.

– Или кровь Ольденбургов? – шепчу я. Лицо Алии бледнеет. Она отчаянно машет головой.

Нет, нет, нет, Руна. НЕТ.

Это единственный способ удовлетворить заклятие. Мы знаем об этом также по истории Аннамэтти.

Поцелуй истинной любви или кровь Ольденбургов.

Но о подобном Алия не размышляла – пока нет. Вообще, судя по ее взглядам на Николаса, об этом сестра станет думать в последнюю очередь.

– Алия, послушай меня. У тебя может и не оказаться выбора. Братья и отец Николаса погибли в шторме, когда ты спасла его. Все об этом знают. – Я вспоминаю другого парня, Филиппа. Однако он связан с Николасом по материнской линии. Его кровь не подходит. – Возможно, только в нем течет кровь Ольденбургов. И если понадобится…

Алия вновь отчаянно качает головой, показывая на меня, потом на свое ухо, а затем на дверь, через которую вышел король. Девушка указывает на себя. По силе жестов сестры, ее знакам, ярости на лице, я ее понимаю.

Ты его слышала. В душе он знает, что я его спасла. Он любит русалку, которая сохранила ему жизнь. А это я. Он любит меня.

– Алия, – произношу я, обхватывая опору одной рукой и основание хвостом, чтобы не соскользнуть. Хватаю ее за дрожащие руки, чтобы успокоить сестру. Именно я всегда открываю ей правду, когда мечты Алии выходят за грани реальности. – Он любит мысль о тебе – девушку, которую он вытащил из моря, из которого сам и спасся. Николас же не сказал, что верит в русалок, не так ли? Или будто считает, что одна из них его спасла? Нет, не сказал.

Я лишь крепче сжимаю ее руки. Алия качает головой.

– Ты не можешь возлагать свои надежды – свою жизнь – на такого человека. Он влюблен лишь в себя самого. Николасу нравится мысль о том, что Урда спасла его, в то время как менее достойные братья ушли на дно. Ты стала лишь посланником. – Слова кажутся стрелами, слетающими с губ. Однако мне нужно заставить ее понять.

Алия качает головой все быстрее и с силой сжимает челюсти. Щеки сестры краснеют.

Она указывает на меня. Я знаю, что Алия намеревается сказать, еще до того, как она демонстрирует этот жест. Я знаю ее чуть ли не лучше, чем себя саму.

Ты не знаешь его, Руна. Не знаешь. Ты ошибаешься. Это неправда.

Вот тогда Алия удивляет меня, вырвав свои руки из моей хватки с такой силой, что я отшатываюсь назад. Удерживаюсь на месте лишь благодаря хвосту, обхватившему основание балкона.

А потом сестра показывает одно-единственное слово.

Уходи.

– Нет, я не оставлю тебя. Ты с ума сошла? У тебя сколько, три дня? И к тому времени он уже женится. Алия, разве ты…

Уходи!

Она встает. Лицо сестры раскраснелось, губы сердито двигаются.

Не хочу снова тебя видеть. Если я умру, дай мне сделать это мирно.

А потом Алия поворачивается – ведь если я не собираюсь ее покидать, она покинет меня.

Так девушка и делает: даже не оглядываясь, она исчезает за белыми дверями замка.

Я опускаюсь под воду. Вся та паника, которую я подавила, снова всплывает на поверхность моего разума. Это чувство собирается в груди, заставляя сердце колотиться, а пальцы дрожать. Внезапная жажда что-то сделать цепляется за мою кожу, кости, сердце и хвост.

Мне необходимо это остановить. Этого не может произойти. Не может. Должен быть способ все исправить. Спасти Алию от себя самой. Я не могу позволить ей потерпеть неудачу. Не в силах потерять сестру дважды.

Мне нужно навестить морскую ведьму.

4

Эви

Медленно появляется свет. Мой мир превращается из беззвездной темноты в небо с восходящим серпом луны. Под этим слабым сиянием тело напоминает груду свинца. Оно будто затонувший остов корабля – ржавеющий и гниющий, пока его поедают морские ежи. Остатки энергии уходят на попытки пошире

открыть глаза и увидеть, осталось ли хоть что-то.

– О, хорошо, ты жива, – слышится голос.

Несколько мгновений уходит на осознание: это не голос в моей голове. Я так отвыкла от компании, что вспомнить этот звук почти невозможно.

Я понимаю, что легкие работают через мелкие вдохи мутной воды. Пока я пытаюсь проверить, подчиняется ли мне тело, голос продолжает:

– Если бы ты меня послушала, я бы сказала тебе: необходимое не найти в тех книгах. Та магия для ведьм на суше – морской народ сам является магией. Невозможно решить эту проблему при помощи лишь земной магии. Нужно понимать принципы морской магии.

О, Анна. Всегда готова раздавать советы.

– Я здесь столько, сколько и ты, – отзываюсь я. Голос звучит болезненно даже для собственных ушей – почти такой же мертвый, как и остальная часть меня. – Я знаю, что знаешь ты.

– Но это не так, – отвечает она с энергией, которой мне не хватает. – Ты забываешь: я была Аннамэтти четыре года, кальмар.

– Не думай, что я об этом забыла.

Время, проведенное ею в теле Аннамэтти, – причина, по которой мы обе здесь, в темноте. Ее «отец» практически подтвердил это, когда чуть не убил меня в моем же доме. Если бы прямо сейчас у меня оставались силы, я бы снова заткнула Анну.

Я впиваюсь одним щупальцем в песок в попытке поднять себя со дна. Его колючий порошок обволакивает мою кожу серой пылью, погрузившись так глубоко, что, возможно, никогда не удастся стряхнуть. Щупальце находит опору. Мне удается добавить два других, чтобы его поддержать и толкать – пока я не оказываюсь на боку. Я принимаю сидячее положение слишком быстро. Голова кружится, пока я щурюсь и вновь падаю на морское дно с мягким «бум».

– Я знаю заклинание, которое могло бы помочь, – предлагает Анна. Девушка явно раздражена тем, что я сразу же не отреагировала на намек на ее знания.

– И что это? – произношу я, снова пытаясь сесть. В этот раз мне повезло больше. Однако голова ужасно кружится, а в ушах стоит звон.

– Festa.

Если бы не было больно, я бы кивнула. Это заклинание использовала тетя Ханса, когда получила прозвище Целительница Королей. Ничего нового. Однако я не уверена, исправит ли она пустоту, которая затаилась глубоко внутри меня. Особенно если я, опустошенная ведьма, что требует у магии сил. Я никогда не применяла к себе такое заклинание – только видела, как его использовали на других.

– Тогда продолжай, – говорю я Анне. – Примени ко мне магию. Заколдуй меня. Я дала тебе этот голос. Давай, воспользуйся им.

Она безрадостно усмехается.

– Ты дала мне голос, но забрала магию, когда убила меня. Или ты забыла? – Она говорит так, словно дразнит меня. Но в голосе Анны больше боли, чем та готова признать. Прежняя подруга изо всех сил старается причинить мне боль, когда я и так не на высоте.

– Нет, ты забрала свою собственную магию, когда убила короля Асгера ради шанса стать человеком, – напоминаю я ей. Я близка к тому, чтобы поднять тему, которую мы обе избегали, – Ник. Никто из нас не упоминал его имя с тех самых пор, как я вернула ей голос. Я знаю: когда мы это сделаем, то станем еще ужаснее, чем сейчас. – Я лишь позаботилась о том, чтобы ты никогда больше не убила.

Раздается «ах». Колкое замечание достигает своей цели. Интересно, таким ли будет наше будущее: мы станем наносить друг другу мелкие раны, пока все оставшееся не вытечет с кровью.

Снова наступает тишина. Словно в знак примирения, я пытаюсь использовать заклинание. Я закрываю глаза и пытаюсь отыскать источники магии – уже умершие или спящие.

– Festa, – заклинание должно было вернуть силу. Однако пока слово эхом раздавалось в моем логове, ничего такого я не испытывала. Мало что можно обменять – сложно получить много сил, когда во мне едва ли есть магия, чтобы отдать ее взамен.

Но все же где-то глубоко внутри нечто шевельнулось – как бы невероятно это ни звучало. Словно росток, пробивающийся из-под земли, слабый и устремившийся к солнцу. Его легко сломать. Легко раздавить. Он вообще едва ли чем-то является.

– Festa, – повторяю я.

Снова шевеление.

– Festa.

И тут присоединяется Анна. Ее голос звучит тихо.

– Festa, – произносим мы вместе. Я чувствую легкое прикосновение облегчения.

Мы повторяем это слово еще пять раз. Наконец у меня достаточно сил, чтобы подняться с морского дна. Я стряхиваю песок со своего тела. Хватаю какую-то креветку. Она оказалась поймана моими полипами и упала с их ветвей. Пища помогает, но опять же: мне нужно отдохнуть. Я сворачиваю щупальца кольцом под собой.

– Спасибо, – неохотно произношу я.

– Всегда пожалуйста. – Анна слабо смеется – скорее себе самой, чем мне. – Ты нужна мне живой – умрешь ты, и морской царь уничтожит все это место и тех из нас, кто буквально укоренился тут.

Сарказм звучит искаженно из-за голоса русалочки. Но я все еще узнаю Анну из нашего детства, реагирующую на происходящее с юмором, несмотря на то что ей больно.

Я проглатываю еще пару креветок и собираю энергию, чтобы произнести что-то еще. Я знаю: пройдет некоторое время, прежде чем я смогу сотворить очередное заклинание. Но опять же кто-то приплыл из чистой голубизны океана в мое убежище, похожее на пятно на солнце. Слабая магия внутри пульсирует предупреждением, которое я, может, и заметила бы, когда приплывал морской царь, – если бы не была так сосредоточена.

Однако это не он. Я не чувствую проникновения чрезмерной силы в мои воды. Возможно, это еще одна храбрая душа, нуждающаяся в моей помощи. Я аккуратно складываю стопкой книги заклинаний возле котла и снова изображаю могущественное существо, которое ожидают увидеть все мои посетители.

Действительно, появляется русалка. Она отчаянно плывет, хмуря красивое личико в решимости. Она очень напоминает Алию, только волосы цветов осени на ложе из светлых кудрей. Ее глаза – медовый янтарь. Это необычно здесь, в королевстве оттенков синего.

– Прогони ее. Даже если нож создан, тебе не нужно… – начинает говорить Анна, прежде чем я снова шепчу letta. Советчица замолкает. Это заставляет меня слегка улыбнуться – сейчас я бы даже не смогла заставить горшок вскипеть, но сделать это я в силах.

Русалка видит меня. Не теряя ни секунды, морская обитательница сразу же бросается в бой.

– Ведьма! – Она плюется яростью. – Моя сестра потерпит неудачу. Тот мальчишка не влюбится в нее за четыре дня. Он собирается жениться! Жениться! И даже до истечения четырех дней!

Вот это сюрприз – он так молод. Но огонь в глазах девушки сверкает правдой.

– Дай мне противоядие, – требует она. – Я заплачу любую цену. Забери мой язык, глаза, уши. Черт, забери мой хвост и сделай его своим. Какой бы ни оказалась цена, я готова заплатить.

Я не отвечаю. Девушка рассматривает меня с другой стороны котла. Глаза светятся под густыми ресницами. Ее ярость рвется наружу не только через слова.

– Один день уже прошел. Как можешь ты вот так бездействовать? Ей осталось жить три дня!

Девушка поднимает руку, словно чтобы перевернуть мой котел. Ее ярость отражается на прекрасном лице.

– Я бы на твоем месте не стала этого делать, – говорю я, сохраняя спокойствие перед лицом ее гнева. Это лишь еще больше злит незваную гостью, но руку она убирает – умная.

Когда русалка снова начинает говорить, ее голос надрывается, а ярость накатывает новой волной.

– Верни мою сестру. Ты украла ее у меня. У всех нас. Ты знала, что ее просьба – безнадежная просьба – смертный приговор, – и все же ты это сделала. – Она скалит зубы и почему-то выглядит даже младше. Девушка ненамного старше русалки, которая побывала здесь. Самые юные потомки морского царя. – Знаешь ли ты, что сделает морской царь, когда обнаружит твою выходку? Что мой отец сделает? Зачем снова это начинать? Ты знаешь об опасности. Зачем?

Я серьезно смотрю на девушку и знаю, что она видит – молодое лицо и темные волосы, пронизанные серебром. Я такого же цвета олова, как и весь мой мир. Должно быть, ей я кажусь достойной своей репутации. Тварью, которую русалку научили бояться, – чудачество природы, привязанное к убежищу ее могущественным отцом из-за своих способностей. Девушка приплыла сюда, полная огня и злобы, пылая от ярости из-за того, что ее оставили позади. Злясь на то, к чему может привести сделка Алии. Но она все же приплыла, несмотря на мою репутацию. Потому что любит сестру так же сильно, как Алия (как она думает) влюблена в того мальчишку.

– Дитя…

– Руна. Называй меня по имени. Ты не моя ома.

Эти слова почти заставляют меня улыбнуться – я точно не ее ома.

– Руна, я уже знаю, что сделает твой отец. Он уже побывал здесь и сделал это. И поэтому я не могу тебе помочь.

Я почти чувствую за своей спиной безмолвное осуждение Анны – нож всегда готов к работе. Хотя это не было очевидно по сделке с Алией, конечно же, эта девушка знает ее историю: магия примет кровь юноши, если ее сестра потерпит неудачу в любви. Я могла бы сейчас отдать русалке нож. Но требовался обмен. До этого момента я исполняла работу без обещания оплаты.

– Ты не можешь… – произносит девушка, ломаясь, несмотря на очевидную силу. Ее голос слабеет, предвещая накатывающие громкие и тяжелые всхлипы. – Ты словно оторвала мою руку. Она моя двойняшка. Моя вторая половинка. Пожалуйста…

– Твой отец лишил меня магии. Я хочу помочь тебе, но одной просьбы недостаточно, Руна.

Девушка раздраженно ударяет по котлу. Вокруг моих полипов раздается металлический звон, устремляясь к самой поверхности – к солнцу, лучи которого едва пробиваются сюда.

– Ты изменила Алию, подвергла опасности ради одного глупого мальчишки, который даже ее имени не знает. Желания ее сестры-двойняшки вернуть девушку должно быть достаточно. Мне больше ничего не нужно. Меня должно хватить.

Я смотрю на нее и улыбаюсь, что раздражает русалку еще больше.

– А, но у тебя есть то, что мне нужно.

Девушка хмурится. Она не спрашивает, а ждет, когда я четко объясню, что ей нужно сделать.

– Видишь ли, я знаю тебя, Руна. Знаменитая садовница, разве нет? Маленькая Руна и ее особенные цветочки. Алия, да, она известна красивыми вещами,

которые умеет создавать, – говорю я, махнув в сторону красных цветов. Русалочка предлагала мне их, прежде чем я забрала ее голос. – Но она не способна сделать то, что может ее двойняшка. Руна, младше всего на одну минуту; та, что поддерживает силу отца, предоставляя ему столько рикифьора, сколько он сумеет проглотить.

Что-то в глазах девушки твердеет – замерзший мед в зимний день.

– Они охраняются. Даже я не могу отправиться туда без присмотра. Я не могу…

– Тогда я не способна тебе помочь. – Руна сжимает челюсти, а я продолжаю: – Твой отец явился ко мне, раздраженный бесполезными попытками вернуть Алию. Опьяненный рикифьором, он напал на меня. Твой отец атаковал мои силы – ослабил единственное существо, способное спасти Алию. Чтобы у меня были силы спасти ее, мне нужно вернуть их. Уверена, тридцать цветков хватит.

– Я не могу принести тебе тридцать цветков. Возможно, один. Но тридцать? Они защищены магией и охраняются вооруженными стражами. Никак нельзя…

– Тогда семена.

– Но…

– Руна, – говорю я, обхватывая ее талию щупальцем и подтягивая русалку к себе. Нужно отдать ей должное, девушка никак не реагирует – не моргает, не морщится в отвращении, не дрожит от страха. Ее лицо непроницаемо, суровое, полное решимости. – Я не могу изменить свою цену. Ты должна решить. Если хочешь, чтобы твоя сестра жила, принеси мне цветы, и мы заключим сделку. Тогда ты получишь желаемое.

5

Руна

Покинув логово морской ведьмы, я чувствую, как меня накрывает волна ужаса. Неужели я действительно была такой наивной, чтобы подумать, будто это существо – этот скользкий монстр – подарит мне какую-то надежду?

Вообще вся эта встреча казалась отрепетированной – словно она ждала меня и уже была готова. Ведьма следовала своему сценарию – прямо как актеры в наших ежемесячных лунных пьесах умоляют о невозможном во имя любви. Алия никогда не упускала шанса проявить свои театральные способности на сцене. Но что она теперь станет делать без голоса?

Нет голоса. Больше никаких пьес. Я качаю головой. Это последняя из проблем Алии.

Хоть я покинула мутные воды ведьмы и возвратилась в прохладную синеву открытого моря, я больше не уверена, что верну свою вторую половинку живой. Потеря уже давит на плечи. Я боюсь, что буду нести ее вечно, если потерплю неудачу.

Нет, я все исправлю. Я достану противоядие. Я спасу Алию. Я ее не потеряю.

Я плыву дальше. Однако остается большая проблема. Отец пересчитывает эти цветки, как пересчитывал бы золото, если бы являлся другим царем. Но моему отцу не золото дает власть, а магия.

А мои цветы магические.

Да, ведьма, я садовница. «Маленькая Руна и ее цветочки» – ведьме известна распространенная поговорка. Несмотря на всю красоту, которую способна создать Алия, именно я могу заставить упрямые цветы расти. Важные цветы. Но я говорила правду, когда сказала, что даже мне не позволят войти в сад рикифьоров без надсмотра. Рикифьора нельзя касаться – ни мне, ни кому-то другому. Только если охрана отца – как физическая, так и магическая – не посчитает, что это можно сделать в определенное время.

Мне не нравится терять драгоценные минуты. Но если нужно достать эти цветы, я не преуспею посреди дня – следует подождать наступления ночи, чтобы попытаться пробраться туда. В действительности я вообще ничего не смогу сделать, если отец обнаружит мое чересчур долгое отсутствие.

Я направляюсь из логова морской ведьмы прямо на территорию замка. Морское царство видно на мили вокруг. Оно светится ярким лазурным голубым. Я проскальзываю в главные ворота и проплываю в извивающиеся коридоры, словно все нормально. Улыбаюсь всем нужным людям и перекидываюсь вежливыми фразами. Потом занимаюсь своими делами, притворяясь, что отсутствие рядом со мной Алии совершенно нормально.

Днем начинаются мои занятия – пение, танцы, человеческое искусство – с сестрами. Отсутствие Алии маячит в воде между нами. Каждая капля набухает от непрерывно растущей тревоги. И все же мы молчим. Если отец услышит наши разговоры, станет только хуже.

После уроков и ужина – во время которых я все время смотрела куда угодно, только не на место Алии – в развалинах моего отвлеченного разума начинает формироваться план. Возможно, это единственный способ добыть для ведьмы цветы, получить противоядие и доставить его. Это будет нелегко, но разве у меня есть выбор? Я не могу просто позволить Алии остаться там и умереть – даже если она не желает возвращаться со мной. Жить с разбитым сердцем лучше, чем раствориться в морской пене. Должно быть так.

Я рано иду спать, притворившись больной. Сестры же не верят мне. Когда замок становится темным и тихим, Эйдис заклинанием вызывает свет. Я уже не сплю, прокручивая в голове свой план и уставившись в потолок наших покоев. Другие мои сестры – Ола и Сигни – садятся на мою кровать, находя себе место среди одеял.

Темно-синие, почти черные глаза Эйдис – цвета самой глубокой части океана в самый облачный день – встречаются с моими. Обычно сестра покрыта пылью от алмазов от линии волос до подбородка. Ночью же ее лицо чистое. Эйдис выглядит серьезнее, чем когда-либо в жизни.

– Она отправилась на поверхность, не так ли? Ради Ольденбурга.

Я сажусь прямо. Это уже достаточное подтверждение. Всхлипы, засевшие глубоко в моем горле сегодня утром, снова поднимаются – мощные и уродливые.

Сигни ближе всего по возрасту ко мне и Алии. Она уже все поняла и скрестила руки на груди. Кончики ее выкрашенных чернилами волос касаются мурашек на руках.

– И это сделала морская ведьма, не так ли?

Я киваю. Глаза Олы расширяются. Она задает и свой вопрос. Может, я и двойняшка Алии, но Ола больше всего на нее похожа – светловолосая и воздушная. Такая, какой и представляют русалок большинство людей.

– Мы что-то можем предпринять? – Она хватает обеими руками мою и сжимает. – Скажи мне, что нам сделать. Должно же быть хоть что-то.

Я подавляю всхлип. Мне не хотелось вовлекать в это сестер. Ведь чем больше нас окажется вовлечено, тем скорее отец узнает об этом.

Но теперь я не могу оттолкнуть их.

– Существует противоядие. Только вот отец навестил ведьму и ослабил ее так, что она не может приготовить зелье. Мне нужно сначала ей кое-что принести. – То, как сестры смотрят на меня, говорит об одном: они знают, что нужно ведьме.

– Но отец…

– Как? Они охраняются…

– Он так разозлится…

– Знаю! – Всхлип все-таки вырывается из горла. Голос становится слишком громким. Я закрываю глаза, чтобы успокоиться. – Знаю, – снова произношу я, в этот раз тише и сдержаннее. – Но мы все понимаем, каков его гнев, – нам всем несложно представить, что он сделал с ведьмой. Ей требуется цветок, чтобы стать достаточно могущественной и помочь Алии.

– Нет, нет, нет, – настойчиво повторяет Ола. – Следует рассказать отцу. Если мы станем делать это за его спиной, будет только хуже. – Она встает с кровати и направляется к двери, ведущей из наших покоев в семейное крыло.

– Нет! – резко произношу я, вскакивая с кровати и преграждая ей путь. – Мы не можем ему рассказать. Отец уже напал на ведьму. Если он узнает, что она готова помочь нам, а не ему, это не обрадует его.

– Ты шутишь? – хмурится Ола, скрещивая руки на груди и вскинув бровь. Она говорит все еще слишком громко. – Он нас наградит.

Эйдис несется вперед и берет лицо сестры в руки, заставляя Олу смотреть ей в глаза.

– Ола, последнее, в чем заинтересован наш отец, – это поощрение. Он не станет начинать этого делать сейчас.

Ола не отвечает ей. Вместо этого сестра смотрит на меня.

– Откуда ты знаешь, что он напал на ведьму? Откуда тебе знать, что она не врет? Мы все в курсе этих историй – морская ведьма достаточно могущественна, чтобы спасти море или разрушить его. Зачем ей помогать Алии после того, как она отправила ее на смерть? Возможно, ведьма просто хочет получить рикифьор, чтобы стать еще могущественнее. Она однажды уже почти уничтожила нас. На что колдунья станет способна с силой этих цветов?

Все это могло быть правдой. Но нужно попробовать.

Я поверила словам ведьмы, что отец примчался к ней, разъяренный. Ведь он сам не в силах вернуть Алию. Это было очень похоже на отца – сколько себя помню, он стал параноиком после той катастрофы, что обрушилась на нас вместе с Аннамэтти. Рикифьор увеличивает его силу. Отец чувствует, что все находится под его контролем, но также становится капризным. Он уже не тот царь, каким был первую сотню лет своего правления.

– Ола, ты должна мне довериться, – говорю я. – Я встречалась с ведьмой, и я ей верю. Нужно попробовать.

– Я хочу попробовать вместе с тобой, – говорит Эйдис. – Сигни?

Она кивает. А потом все взгляды обращаются на Олу. Та убирает выбившийся локон за ухо.

– Ладно.

Эйдис смотрит на меня.

– Каков план, Ру?

– Чтобы добыть цветы, мне нужно отправиться туда одной. Мы не можем вчетвером перемещаться по замку. Даже глубокой ночью – отец это почувствует.

Все трое кивают. А потом Эйдис произносит:

– Сигни и Ола пойдут со мной. Рикифьор купит нам силу ведьмы, но не противоядие. Она захочет еще, – уверенно заключает Эйдис. В свои девятнадцать она считает, что знает больше нас всех, вместе взятых. Может, так и есть. Эйдис касается наших плеч. – Вместе мы узнаем цену морской ведьмы – у таких вещей всегда есть цена.

А потом она смотрит на меня.

– Чем Алия заплатила?

– Своим голосом и, скорее всего, жизнью.

– Нет, если мы сможем этому помешать, – говорит Эйдис и смотрит на циферблат часов в нашей общей спальне. Без четверти полночь. – Давайте собираться. Встретимся у каньона через час, Ру, а потом вместе отправимся будить ведьму. У Алии мало времени.

– Каньона? – спрашиваю я. Довольно странное место для встречи. Трещина, проходящая через ущелье, – как старая рана. Из ее глубин струятся холодные потоки воды. Кроме того, каньон находится в противоположной от грязного логова ведьмы стороне.

Моя старшая сестра кивает. Кончики ее припорошенных алмазной пылью волос блестят как зимний снег на суше.

– У красного коралла. Ты знаешь тот, что выглядит как акула-молот на пике?

– Да, я знаю, но почему?..

– Потому что там я держу то, чем желает обладать ведьма. Откуда, ты думаешь, я добываю алмазную пыль? У меня клад с сокровищами, Ру. – Я всегда полагала, что отец дал ей столь вожделенную пыль, желая выдать замуж следующую из своих преемниц – учитывая всех поклонников, с которыми регулярно встречается Эйдис. Блестящий приз для дочери короля от второй жены.

– Мои алмазы и жемчужины можно заменить. Если ведьма потребует плату для Урды, то может взять мои сокровища. Но никто не заберет мой голос.

***

Семейные сады кольцом окружают территорию. У морского царя дочери от двух жен – от королевы Мэтт, давно ушедшей с отливом, и королевы Бодил, моей матери. Бодил достаточно молодая, чтобы быть ровесницей половины моих старших сестер. У каждой дочери есть свой участок. Мой кусок земли раскинулся вокруг королевских покоев, где патио отца и матери сливается с мягким бирюзовым песком. Это самый большой сад; финальная связь в кольце, развернувшемся, словно часы с короткими стрелками десяти сестер.

Мой сад теперь почти весь в рикифьорах. Они, подобно призракам, покрывают песок. Единственные другие цветы – это розы с преувеличенными колючками по краю стебля. Шипы достаточно острые, чтобы отпугнуть любопытные пальчики одним лишь своим видом. Стражники находятся здесь даже глубокой ночью; втроем, расставленные будто куски пирога. Морские обитатели полагают, что сад так охраняется из-за его близости к королевским покоям. Это действительно подходящая история для прикрытия.

Я стараюсь держаться теней и не привлекать внимания стражников, а также не тревожить магию ауры вокруг рикифьоров – дополнительные меры безопасности. Сердце колотится в груди. На мгновение мои взмахи хвостом

слабеют.

Существует так много вариантов, как может рухнуть мой план. Стражники. Магия. Вероятность, что я не знаю Алию так хорошо, как думаю. Но все-таки я продолжаю двигаться вперед. От тени к тени, я пробираюсь через серпантин садовых участков. Радуюсь, когда замечаю перед собой край сада Алии.

Хотя я видела его миллион раз, сердце падает при виде бушующей там жизни. Столько жизни, столько различных цветов: рубиново-красных, желтых, ярких, словно весеннее солнце в небе, бархатно-фиолетовых, облачно-белых. Все они светятся, как новый день, – и такие же яркие, как и Алия. Столь же романтичные, как и она. Такие же полные надежды, обещания и солнечного света, как моя сестра.

Без девушки они умрут. Если не сейчас, то скоро.

Посреди всего этого стоит массивная статуя. Сестра добыла скульптуру после спасения того парня этим летом. Как и его отец, братья и все остальное на корабле, изваяние опустилось на морское дно и погрузилось в песок. Днем позже Алия вернулась туда и вытащила статую. Русалка использовала всю свою магию, чтобы переместить ее с места крушения в этот сад.

Статуя такая же дерзкая, как и тот факт, что сестра притащила ее сюда, утирая нос всем домыслам остальных – даже отцу. Тот, скорее всего, допустил такое только потому, что это ясно демонстрирует глупость Ольденбургов. Статуя должна была заявлять, расположившись на земле: смотрите на будущего короля! Он стоит прямо на носу корабля, выставив вперед ногу и глядя вдаль, обыскивая глазами горизонт в поисках новой земли, которую можно разграбить! – и то же самое она делает и здесь. Это громкое, словно труба, заявление о поступке Алии.

Я прячусь в тени статуи и поднимаю на него взгляд.

– Ненавижу тебя, – шепчу я его глупому красивому лицу.

Статуя с каменным лицом принимает мои слова. Но мне столько всего еще нужно ему сказать. Что король уже разбил сердце сестры и почти уничтожил мое – оно висит на волоске надежды. Что я способна спасти ее этими семенами с

помощью морской ведьмы. Что Николас не знает, как ему повезло, – ведь Алия уже влюбилась в него, когда спасала. С большой вероятностью он стал бы костями, как его отец и братья, – еще один подаренный морю Ольденбург.

Что Николас никогда ее не заслуживал и никогда не будет заслуживать.

Оглядываясь и снова убеждаясь в своем уединении, я опускаюсь на землю у ног статуи и начинаю копать. Успех моего плана зависит от пары следующих мгновений.

Хотя Алия и могла вырастить самые красивые цветы, не их она в действительности желала выращивать. Особенно после того, как обнаружила у отца пристрастие к рикифьору. И потому я дала сестре шанс попробовать, незаметно забирая для нее семена. Но, как я подозревала, из них так ничего и не выросло. Я лишь надеюсь, что Алия оставила напоминание, где спрятала и хранила их.

Уже через пару откинутых в сторону горстей песка я чувствую их жар, словно приглушенное пламя солнечных лучей на поверхности. Теплых, но далеких. Внезапно мои пальцы узнают верное направление. Так и должно быть – они имеют дело с магией рикифьора каждый день. Каждое утро перед завтраком я ухаживаю за садом и срываю цветы для ежедневного ритуала отца – стаканчик нектара перед тем, как начать свой день. Это единственная причина, по которой мне удалось подняться на поверхность нынешним утром – я приготовила рикифьор перед отплытием.

Меня накрывает волна облегчения. Тепло семян становится сильнее, а пальцы так и горят, предвкушая прикосновение к ним. Они здесь.

Сердце моей сестры слишком долго за все цепляется – любовь, мечты, надежда и разные вещи. Множество вещей. Ее сундуки полны разных вещичек, найденных, купленных и по какой-то причине любимых.

Мои ногти цепляются за холст. Я тяну его. Высыпается песок и пачкает основание статуи. Конечно же, на подножии написано нелепое имя целиком и предыдущий титул: кронпринц Асгер Николас Бриниульф Ольденбург V. И вот в моей руке больше, чем требуется. Я распускаю веревочки мешочка и заглядываю внутрь. Еще один вздох облегчения сотрясает тело. Она сохранила почти

пятьдесят спящих семян рикифьора.

Слава Урде.

Хотя Алия всегда играла идеальных дамочек в замковых лунных пьесах, может, в этот раз дамочке король не понадобится.

– Ты только что спасла саму себя, Алия, – шепчу я семенам.

– Так Алии все же нужна помощь.

Я чуть не роняю мешочек и разворачиваюсь на звук голоса. Я была уверена, что нахожусь здесь одна. Однако перед глазами ома Рагн – Королева-мать Рагнхильдр – моя бабушка. Женщина, научившая меня всему, что я знаю, под звуки моряцких песенок о русалках и их мести.

На ее лице мелькает хитрая улыбка. В последние дни голубые глаза бабушки столь прозрачные, что кажутся почти такими же белыми, как и ее волосы. Но они никогда ничего не упускают из виду. Ни когда речь заходит о ее сыне или обо мне, ни о чем-то другом.

– Поверь мне, дорогая Руна, если твой отец смог почувствовать бегство Алии из вод, даже не проверив ее постель, я тоже об этом знаю. Когда магия покидает воды, те из нас, что пробыли здесь достаточно долго, чувствуют это. – Она говорит так, словно видела события над поверхностью моими глазами – Алия, юноша, ее безнадежная ситуация, – а потом глаза старухи перемещаются на сумку. – Вот так ты собираешься ее вернуть?

Ей не нужно открывать мешочек, чтобы узнать его содержимое. Именно Ома Рагн начала высаживать рикифьор. Она чувствует силу семян так же, как и я. Лучше только отец – и то потому, что их так много у него в венах и без них, скорее всего, морской царь свалится замертво.

Я бы не стала врать оме Рагн. В любом случае в этом нет смысла. Не в разговоре с ней.

– Чтобы добыть для Алии противоядие, мне нужно отнести их морской ведьме.

– Стоило догадаться, что за всем стоит этот старый кальмар, – произносит она, скривив рот. Оме Рагн двести лет. Это число лишь продолжит расти. За это время женщина стала только более прямолинейной. – Ведьма была достаточно могущественной, чтобы исполнить заклятие превращения, но на возвращение Алии у нее не хватает сил без цветка рикифьора?

Она говорит слишком громко. Я оглядываюсь, осматривая каждый уголок и заглядывая за накачанные бедра массивной статуи.

Ома смеется. Ее голос становится громче, когда женщина снова произносит:

– Ру, успокойся. Я отвлекла стражников.

Она выдает последние слова с завидной прохладной уверенностью. Это напоминает мне, как раньше она обещала прогнать всех монстров из наших кошмаров заклинанием, если они вдруг объявятся днем. Я все еще вижу, как мы с Алией стоим у ее кровати поздно ночью, а недавние кошмары так же скрываются в наших глазах. Бабушка притягивала нас к себе. Как только наши сердца успокаивались, она напевала три строфы «Мести Русалки», чтобы отправить нас спать.

Но теперь никакая песня не поможет мне успокоиться.

– Не совсем, – отвечаю я на ее вопрос. Ома Рагн критикует отца так, как никто другой не сможет – особенно в годы после перемен в Аннамэтти. Но я не собираюсь пересказывать слова ведьмы о том, что морской царь с ней сделал. – Ома, мне нужно идти. Пожалуйста, не говори ничего отцу. Я верну Алию.

– Не буду, а у тебя все получится. – Ома Рагн отправляет меня вперед мановением длинных пальцев. – Иди. Навести ведьму. Я буду в своей постели молиться Урде, чтобы она не превратила тебя в разговаривающего краба.

Несмотря ни на что, я улыбаюсь. Ома Рагн умеет привнести юмор даже в самые мрачные ситуации.

– Если ведьма превратит меня в говорящего краба, сделай одолжение и убедись, что она расколдует меня, прежде чем отец постарается поджарить ее за это.

Она нужна нам, чтобы вернуть Алию домой.

Ома быстро улыбается. Эта улыбка доходит до самых белых, словно прилив, глаз.

– Договорились, Ру. – Она собирается вернуться в свои покои – или куда бы она ни собиралась плыть в полночь, когда нашла меня. Но потом ома останавливается и берет меня за запястье узловатыми пальцами.

– Удачи, моя дорогая. Тебе и твоей сестре она понадобится, чтобы все получилось правильно.

Я быстро целую бабушку в щеку и удаляюсь, сжимая мешочек с семенами в руке и направляясь в логово ведьмы.

6

Руна

– Ты приплывала сюда одна? – спрашивает Эйдис. Тон старшей сестры напоминает о том, что она готова защищать нас. Впереди появляются первые странные деревья, окружающие логово морской ведьмы.

Я не виню ее – это последнее место, куда бы любая из нас отправилась добровольно.

– Да, – говорю я и перехватываю сумку поудобнее – внутри драгоценности Эйдис, найденные после кораблекрушений. Она такая тяжелая, что тащить ношу приходится обеим. – Алия отправилась туда одна. Я обязана была сделать то же самое.

Вообще-то я просто была так зла, что даже не успела поволноваться о грядущем пути прямо в древнюю историю ужасов викингов.

– Там только она? – спрашивает Ола. Ее обычно уверенный голос дрожит от волнения.

Сигни закатывает глаза.

– Конечно. Ты что, не слушала истории омы? Такие ведьмы всегда живут одни.

– Дамы, – резко замечает Эйдис, полуразвернувшись. Мои пальцы соскальзывают с сумки, когда старшая сестра дергает меня. – Не имеет значения, одинока она или нет. Важно лишь, чтобы ведьма дала нам противоядие. С вот такой-то платой, – она на мгновение поднимает свой край сумки, – сестра сможет купить себе друзей.

Это заставляет всех замолчать. Вся наша энергия теперь сосредоточена на преодолении деревьев. По мере приближения тревога, кружащаяся во мне целый день, слабеет и сменяется приливами и отливами уверенности. Мы прибыли. Мы получим то, чего хотим. У нас это получится.

Я ускоряюсь и вплываю в пространство песков вокруг логова ведьмы. Словно играя, Эйдис догоняет меня. На ее лице читается решимость. Мы еще ничего не обсудили, но именно я буду говорить.

Несмотря на громкую болтовню моих средних сестер, морская ведьма не приветствует нас. Мое давление зашкаливает, когда я понимаю: ведьма не ждет нас как на иголках с противоядием в руке, как бы должно быть. Это она натворила. Это наша битва за жизнь, которую колдунья поставила на кон. По крайней мере, она должна найти храбрость показаться.

Я передаю Эйдис свой уголок сумки и встаю перед сестрами. Сигни и Ола выстраиваются в ряд рядом с Эйдис.

– Морская ведьма, – произношу я. Мой голос не дрожит. Внутри расцветает уверенность. Я малышка в семье, но не стоит меня недооценивать. Морская ведьма тоже об этом скоро узнает. – Я вернулась с рикифьором. И привела сестер. Дай, пожалуйста, противоядие, и мы уберемся восвояси.

У входа в пещеру происходит какое-то движение. Я чувствую, как за спиной напрягаются сестры.

Но я не боюсь старого кальмара.

Может, мои сестры и вздрагивают от пробуждения ведьмы, но я становлюсь лишь сильнее. Я скрещиваю руки – не в защитной, а сердитой позе. Мое тело – одна прямая линия, подбородок поднят.

Появляется ведьма, выползая из своей пещеры. Ее щупальца – гигантский плюмаж из жидкого оникса. На лице колдуньи спокойствие. Я знаю, что моих сестер сразу же завораживает ее внешний вид – Эйдис впилась в лунный цвет лица, Ола глядит на роскошные кудри, Сигни осматривает сам стальной образ ведьмы. Это действительно так: она потрясает.

– Маленькая Руна, где твои цветочки? – спрашивает ведьма.

Я поднимаю мешочек.

– Где мне их оставить?

Объяснять не нужно. Морская ведьма умна и сразу же понимает.

– Они вырастут где угодно – или им нужен свет?

Я оглядываю ее дом – сейчас здесь так же темно, как и рано утром.

– Учитывая, с чем приходится работать, это неважно.

К моему удивлению, она смеется.

– Я не выбирала тьму, дитя. Она выбрала меня.

Колдунья жестом приглашает меня в пещеру. Углубление выполнено в основании огромной черной скалы, которая, должно быть, выходит на поверхность и высится посреди ночи Хаунештада. Позади меня сестры

колеблются, оставаясь на месте: решая, стоит ли приблизиться и приглядывать за мной. Я подаю Эйдис знак, чтобы она отошла. Я справлюсь и сама.

Ведьма указывает на место возле входа в пещерку и усаживается на свои восемь щупалец, снова используя их как трон. Я запускаю руку в сумку, отсчитываю тридцать семян, остальные убираю в лиф в надежде, что ведьма не заметит. Или ей все равно, что еще несколько семян осталось.

Она просила тридцать. Я не дам морской ведьме ни на семя больше.

Как и сами цветы, семена молочно-белые и такие блестящие, что практически испускают свой собственный свет в этом пустынном месте. Я рассыпаю их полукругом, прежде чем опуститься на морское дно и обеими руками засыпать семена покрывалом из песка.

Далее нужна магия. Это заклинание обычно используется, чтобы разжечь жизнь чуть ли не в чем угодно. Но что-то в моем произношении творит чудеса с этими капризными растениями. Словно они слушаются только меня. Заряд в моей крови повелевает им повиноваться, расти, процветать.

– Lif. Lif. Lif, – вторю я снова и снова – в целом тридцать раз. Ведьма молча наблюдает за мной. Уголки ее губ приподнимаются в улыбке. Когда-то она была красивой. И все еще остается такой.

Пока магия подогревает пески под моими руками, я думаю о романтичности слухов: якобы девушка отдала свою жизнь, чтобы спасти будущего короля. Только вот его жизнь привела к появлению внука, который пленил сердце моей сестры.

Ничто в этих красавчиках не делает их достойными спасения. Ни титул. Ни внешность. Ни все красивые слова мира.

Никто из них не должен был забирать у меня сестру.

Моя злость снова вспыхивает вместе с жаром от растений. Почему-то это заставляет их расти быстрее ожиданий, пройти весь жизненный цикл – от семени в росток, почку и цветок – за пару секунд. За моей спиной морская

ведьма ахает. Я чуть ли не улыбаюсь, несмотря на мою злость.

Я способна сделать то, чего не может она.

– Ты талантливая, Руна, – говорит ведьма, выставив вперед подбородок. В этот раз в восхищении. Она подплывает ко мне и срывает десять цветов – по одному в каждом щупальце и по одному в каждой руке. И вот колдунья уже над своим котлом – бросает цветы туда вместе со стеблями. Он сразу же начинает кипеть. Я поворачиваюсь к сестрам, замершим в ожидании. От котла поднимается пар. Ведьма вдыхает его полной грудью. Сладкий запах цветов наполняет логово.

Через пару мгновений жар уходит, пар исчезает и шевеление воды стихает. Ведьма осмеливается прикоснуться к тому, что внутри котла – чистому концентрированному нектару рикифьора. Колдунья действует голыми руками: собирает его в ладони и подносит к губам. Она пьет нектар, а нам лишь остается наблюдать. После последнего глотка на ее лице появляется улыбка. И ведьмы словно касается что-то теплое – жизнь и сила, возобновленная во тьме. Открыв глаза, женщина смотрит прямо на меня.

– Теперь мы можем заключить сделку.

Чувствуя, что пришел ее момент, Эйдис плывет вперед и показывает свои сокровища. Но она не встревает, позволяя мне быть нашим голосом.

– В качестве платы за противоядие мы принесли тебе эти драгоценности – рубины Бухты Ригби, сапфиры Хаунештада, изумруды и алмазы западных стран. Ты можешь продать некоторые или просто ими любоваться, а другие носить вместе с золотом, серебром, оловом – или как тебе нравится.

Когда я замолкаю, Эйдис открывает сумку. Можно легко увидеть блестящее содержимое, сияющее даже в таком сером месте.

Ведьма наблюдает, но, кажется, не видит вспышку и красоту перед ней. Ее тон ровный и деловой. Голос звучит сильнее, чем раньше:

– Не драгоценные камни мне нужны.

– Тогда жемчужины, – говорю я и указываю на одну, что висит на золотой нити на моей шее. Мы все – включая нашу мать и сводных сестер – носим такие. Любимый подарок омы Рагн. – Мы можем легко достать большое количество жемчужин всего за пару часов.

На лице морской ведьмы мелькает отвращение.

– Точно не жемчуг.

Моя уверенность начинает давать трещины. В безопасности грудной клетки сердце запинается и дрожит.

– Я вернулась с рикифьором. Мы отказываемся заключать ту же сделку, что и наша сестра, – ты не лишишь все наше поколение голоса. Мы принесли тебе необычайно ценные вещи, которые могут купить тебе свободу после многих десятилетий заточения, – говорю я. Раздражение и усталость наполняют голос. Он звонче, чем мне того хотелось бы. Я не могу расплакаться перед этой женщиной. Перед моими сестрами. Я смотрю ей прямо в глаза. – Что тебя удовлетворит?

Морская ведьма отвечает сразу же. Интересно, всегда ли она знала, что я вернусь с сестрами, – как и знала, что я вообще вернусь.

– Я немногого прошу. Это имеет больше значения для меня, чем для вас. – Ведьма могла бы то же самое сказать про наши голоса. Это заявление меня не успокаивает. Я поджимаю губы, нетерпеливо ожидая продолжения. – Я хочу лишь одного и того же от всех вас: ваши волосы.

Тут у Эйдис перехватывает дыхание.

– Наши волосы? Но почему наши волосы – они не драгоценны, они снова отрастут. Ты могла бы их заново отрастить.

Лицо морской ведьмы остается спокойным – никакой реакции. Просто наклон головы. Она чуть ли не воплощение скуки, сидящее на троне из черных извилин.

– Именно так, для вас это не имеет значения. Волосы растут. Но именно это я хочу взамен вашей просьбы.

Тут что-то не так. Не так. От всех нас? Нечто не ценное, не под угрозой и не редкое?

Это, должно быть, ловушка. Уловка. Что-то не так.

Морская ведьма просто наблюдает за нами. На ее лице или в позе не заметно никакой тревоги. Колдунья ждет оплаты.

В животе и в дрожащем сердце нарастает беспокойство. Я киваю, говоря себе: не этого она желает. Ведьме это нужно для противоядия. Возможно, ей потребуется частичка каждой из нас, чтобы вернуть недостающую часть.

Она словно чувствует, что весы склоняются на ее сторону. Женщина протягивает мне руку:

– Давай, позволь взять твои волосы.

Одну за другой, ведьма сажает нас на песчаник рядом с котлом. С помощью простого ножа из острого, как бритва, коралла колдунья обрезает нам волосы по подбородок. Эйдис садится первой. Не сговариваясь, мы меняемся по старшинству. Ола следующая. Потом Сигни. А потом я. Каждый локон отправляется в котел без лишних взглядов.

Когда она заканчивает, я выпрямляюсь и оказываюсь нос к носу с морской ведьмой. Я ожидаю нашего противоядия. Прикосновение мутных вод к моей шее прохладное. Я твержу себе, что это просто новое ощущение, а не результат моей тревоги. Мы свою часть сделки выполнили. Теперь она выполнит свою. Тогда мы спасем Алию от ее миссии.

– Хорошо, мои девочки. Вы получите то, что вам надо, вместе с инструкциями.

Я ожидаю, что морская ведьма отойдет в пещеру, пороется там и вернется с очередной маленькой стеклянной бутылочкой, полной переливчатой жидкости.

Но вместо этого ведьма передает мне нож, которым срезала наши волосы. Я пристально смотрю на него. Слова умирают в горле. Ведьма подносит шелковистый щупалец к моему подбородку и наклоняет мою голову так, что приходится смотреть в ее синие глаза.

– Найдите свою сестру у воды и дайте ей нож. Если она не завоюет любовь парня к концу четвертого дня на суше, то должна вонзить нож в его сердце и дать крови упасть себе на ноги. Когда жизненная сила короля покинет его и кровь омоет ее новое тело, ваша сестра останется человеком до конца своих дней.

– Она не может вернуться к нам? – спрашивает Эйдис. – Она больше не способна стать русалкой?

Голос ведьмы спокойный и чистый. Он ножом вонзается в сердце каждой из нас:

– О нет. Никогда. Так магия не работает.

Нет. Это неправильно. Слова срываются с моих губ, пока я пытаюсь сделать вздох.

– Но королева Мэтт…

– Магия королевы Мэтт нечто совсем иное – соединение магии этого мира с магией суши.

Она произносит последние слова так, словно это факт. Первая возлюбленная отца могла достичь того, чего не можем мы. Внутри все сжимается и болит. Я сердито смотрю на нож на ее ладони, гадая: если убить ведьму прямо сейчас, сразу ли появятся у моей сестры плавники и призовут ли ее домой? Оружие такое острое, что без особого давления можно разрезать палец. В нем точно есть магия. Но не этого мы просили.

Кроме того – это не сработает.

Выражение лица Алии на балконе, когда я предложила такой вариант, снова вспыхивает в голове. Я знаю свою сестру – упорную и романтичную до глубины души. Алия ни под каким предлогом не убьет Николаса – даже если это будет

означать, что она сгниет изнутри.

Это должно было стать противоядием – альтернатива, чтобы вернуть ее домой.

– Но это описывает и твою магию, – говорю я, применяя логику морской ведьмы к ней же самой. Напоминая колдунье о прошлом. Я встаю и выпрямляюсь, осмеливаясь взглянуть на ведьму сверху вниз – та все еще сидит на щупальцах. – И это означает, что у тебя есть противоядие. У тебя имеется то, что было у Мэтт. Мы выполнили свою часть сделки. Это не противоядие. Это орудие убийства. Мы соглашались на противоядие.

Ведьма тоже выпрямляется, отвечая мне тем же и глядя на меня сверху вниз. Присутствие колдуньи не только в ее фигуре – все укрытие словно присоединяется к ней и подавляет меня. Все вокруг давит на меня. Со всех сторон странные деревья словно сворачиваются. Их скелетообразные ветки тянутся ко мне, моим сестрам, нашей ярости.

– Ты ничего не знаешь о моих силах. И это ты использовала слово «противоядие», Руна. Я его не произносила, – говорит морская ведьма. – Я пообещала дать то, что тебе нужно. А тебе нужен нож.

7

Эви

Наш разговор подошел к концу. Русалки уплывают. Их остриженные до подбородка волосы легко струятся позади, пока морские создания проплывают через мой полиповый лес. Но наша встреча не закончилась. Я чувствую это от кончиков щупалец до самых кончиков локонов.

– Зачем тебе их волосы? – интересуется Анна.

– Увидишь, – говорю я в надежде, что это остановит поток вопросов. Знакомая мне Анна не задавала много вопросов. Однако, кажется, прежняя подруга изменилась с тех пор, как я дала ей голос. Полагаю, если бы я превратилась в

немой полип, у меня тоже бы возникло много вопросов.

– Ты не… не станешь… не можешь. Если ты нас оставишь, мы превратимся в мусор. Отец – морской царь – он уничтожит твое логово.

– Я не могу уйти, пока он не освободит меня, Анна, – говорю я и достаю волосы из котла, а потом обматываю их вместе веревкой. Связав волосы, я прячу их среди оставшихся цветов рикифьора. Убеждаюсь, что они укрыты и спрятаны. – Никакое мое заклинание этого не изменит.

– Это не означает, что ты не собираешься уйти. Зачем же еще тебе волосы? Я знаю, что ты не собираешься возвращать меня.

– Letta.

Я заставляю ее замолчать как раз вовремя. Вернулась Руна. Я могу лишь надеяться, что русалка решит, будто голос двойняшки просто ей померещился.

Руна осторожно сжимает мой нож прямо меж ладоней перед грудью, словно молится. Уверенность покинула ее лицо. Но все же девушка вернулась. Недовольная сделкой. Она смотрит на меня светящимися глазами. Прежде чем Руна успевает открыть рот, я знаю: ее голос будет звучать слабее всех, которые я слышала.

– Она этого не сделает, – произносит Руна. Ее нижняя губа порозовела и дрожит. Голос русалки едва слышен сквозь слабое движение воды в моем логове. – Она влюбилась в него, как только впервые увидела в прошлом году. Алия – единственная причина, по которой он не погиб в шторме тем летом. Сестра не позволила Николасу умереть и теперь его не убьет… даже если это будет означать ее смерть.

У меня перехватывает дыхание.

– Этим летом?

Девушка кивает. Я знала, что Алия соврала о любви юноши к ней. Прежняя русалка практически в этом призналась. Однако я думала, что по крайней мере

детали истории правдивы. Я вскидываю бровь и задаю вопрос, ответ на который уже нашла внутри себя:

– Полагаю, у нее не было статуи принца в саду с тех пор, как ей исполнилось десять?

Руна опускает взгляд на нож в своих руках, а потом снова смотрит на меня.

– У Алии есть статуя, но всего пару месяцев. Она достала ее из останков корабля и притащила в свой сад, словно некий алтарь.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Мое тело становится идеально неподвижным. Щупальца словно вырезаны из камня. Даже дикие кудри кажутся придавленными тем, что движется по животу вниз. Злость и отвращение – оба чувства направлены на меня саму, а не на русалочку. Мне следовало понять, что девчонка пытается мной манипулировать. Я прожила шестьдесят шесть лет на этой земле и должна была бы догадаться.

Наконец после долгой паузы я открываю глаза:

– Алия сказала мне, что спасла его много лет назад – в первую ночь, когда увидела принца. Твоя сестра поведала, что в ее саду стоит похожая на него статуя с тех пор, как ей исполнилось десять. Алия рассказала: когда она оставила Николаса на берегу, его нашла девушка – и принц считает, что это она его спасла. И потому любит ее. По словам твоей сестры, она наблюдала за этой любовью целый год.

Губы Руны раскрываются. К щекам возвращается румянец. Во взгляде снова появляется жесткость.

– Эта история неверна – он женится на девушке из какого-то другого места. Но, – ее голос дрожит, как и все остальное, – если ты знала все это, а также про четыре дня, почему ты вообще согласилась? Зачем ты отправила ее туда, зная, что Алия потерпит неудачу? Что она умрет?

Потому что я верила, что ее любовь этого стоит.

Потому что я видела себя в ней. И дедушку Николаса в нем.

Потому что я все еще верю в счастливые концы, хотя сама я – ночной кошмар.

Руна все смотрит на меня. Я задумываюсь, видит ли она это на моем лице – девушку, какой я была много лет назад. Ту, что не раз жертвовала собой ради Ника и готова сделать это снова.

– Я думала, ее сердце достаточно настрадалось, – говорю я. Теперь мои слова слабые и пронизаны усталостью, скрывать которую больше нет сил. – Я думала, она заслужила шанс на любовь.

– Шанс? – Руна надвигается на меня. Остатки ее локонов развеваются, подобно гриве льва. – Ты про все это слышала, ты, со своей легендарной мудростью и репутацией. И ты знала, что у Алии нет ни единого шанса.

– Никто из нас этого точно не знает, маленькая Руна. Но твоя сестра была полна решимости. Она нашла меня, желая бороться за то, во что верила. Победит Алия в этой борьбе или нет – не мне было говорить ей, что пытаться не стоит. – Я сжимаю зубы, кулаки, щупальца. – Любовь стоит страданий и жертв, если она истинная.

– Любовь ничего не стоит в жизни, если тебя не будет на этом свете! – Ее лицо словно кричит мне: почему ты этого не видишь? Разве ты не прожила достаточно долго, не страдала достаточно долго, чтобы понять, что смерть – постоянна? Разве ты не прожила достаточно долго и не страдала достаточно долго, чтобы понять: смерть – это смерть? – Алия должна была пробыть здесь еще три сотни лет. Сколько раз могла бы она влюбиться за все эти десятилетия и не платить такую дорогую цену?

Руна тяжело дышит, крепко сжимая нож. Я ее не боюсь. Однако внезапно я боюсь за саму русалку.

– Ты не веришь в любовь, не так ли? – спрашиваю я.

Ее пальцы белеют, сжимаясь вокруг ножа.

– Я люблю свою сестру.

– Руна, – говорю я, желая положить успокаивающую руку на ее вздымающиеся плечи. Но это не способно подавить чувство брошенности, охватившее ее душу. – Если ты действительно любишь Алию, то лучшее, что ты можешь сделать, – это дать сестре нож и принять ее выбор.

– Нет, я его не приму. Я дала тебе цветы моего отца, подвергнув опасности его и себя. Мы отдали тебе свои волосы – а ты даже никак не использовала их. – Руна поднимает клинок. – А теперь у меня есть нож. Только вот моя сестра скорее умрет, чем использует его против единственного доступного чертова Ольденбурга.

Русалка не закончила. Она делает паузу – убедиться, что я поняла. Все ее потери ясно изложены.

– Мне осталось отдать тебе еще кое-что. Если ты не примешь это прямо сейчас, то увидишь, какая я действительно талантливая. – Ее ноздри раздуваются. Руна надвигается на меня, выставив нож. – Измени меня. Преврати меня, и я это сделаю. Я убью этого парня, если это означает спасение сестры.

Янтарные глаза девушки впиваются в мое лицо. Ее плечи и грудь вздымаются и опускаются.

Я действительно верю, что она убьет парня ради жизни сестры.

Я впечатлена этим поступком и ужасно расстроена им. Что бы она ни думала обо мне, мои мотивы, когда я отправляла ее сестру на сушу, были чисты. Я верю: сердце поступало правильно, когда я дала русалке ноги. Хотя теперь понимаю: стоило не так переживать из-за ее вранья на суше, как из-за лжи в мой адрес. Однако в любом случае ее манипуляции могут привести к гибели внука Ника. Я бы хотела, чтобы Николас был кем-то другим. Возможно, так и есть. Может, русалочка снова соврала мне, чтобы получить желаемое, – зная мою историю с его семьей и любовь к Нику.

– Ты видела этого парня на суше и все же готова это сделать?

Руна кивает. Ярость горит в напряжении ее плеч.

– О, я его видела. Николас ведет себя так, словно она выигрыш. Нечто блестящее, что король нашел на берегу. Прекрасное дополнение к его глупой сапфировой короне или тупому красному кольцу.

У меня перехватывает дыхание.

– Красному кольцу?

– Ага, это не рубины и не гранаты, а что-то другое. Он потирает его, словно настоящий злодей из лунной пьесы.

Я стараюсь сохранять невозмутимость, хотя слышу: сзади Анна желает закричать. Когда Ник был жив, он часто навещал меня. Он опускал носки темно-красных сапог в воду, упершись пятками в сухой серый песок. Ник рассказывал мне о своей жизни. За год моего отсутствия он поведал мне, как служанка нашла красный кристаллический камень в старых платьях. Одеяния я оставила в замке в ту ночь, когда мое время на суше подошло к концу. Этот камень мне отдала ведьма, когда я училась применять свое первое заклинание обмена – жизнь Аннамэтти за то, что уже забрало море. Он помнил, что я носила то платье, когда он заметил меня за чтением на лодке Икера в день Празднования Моря.

Мое сердце подскакивает. Я вспоминаю, сколько всего хотелось бы сделать по-другому тем утром в корабельном доке. Нужно было поцеловать Ника, когда он убрал локон с моего лица, а его пальцы задержались. Мы оба почувствовали, что краснеем и становимся почти такого же цвета, как камень в моем кармане. Этот камень Ник превратил в кольцо. Украшение теперь надето на палец его внука.

– Что еще ты о нем знаешь? – спрашиваю я девушку.

Я волнуюсь, что зашла слишком далеко. Кажется, ее раздражение этого не вытерпит. Но Руна покусывает губу и вспоминает встречу на суше. Хоть она и задумалась, мне сложно поверить, что девушка готовится соврать. Она очень сильно хочет спасти свою сестру. Этого хватит, чтобы заставить Руну быть честной. Преувеличения не помогут.

– Другие юноши. Они говорили о чем-то, что называется подлодками.

Мое сердце останавливается. Подводные лодки? Их изобрели во времена моего детства. Отец проводил исследование для короля Асгера. Он верил, что удастся лучше отслеживать китов, работая с ними.

Они тогда не были широко распространены. Однако теперь, много лет спустя, учитывая развитие технологий? Возможно. Это изобретение кажется мне совсем иным отсюда, с глубины. Опасность для морского народа очень высока.

– Это корабли, которые могут оставаться под водой неделями, – говорю я. Воспоминания показывают наброски, которые отец добыл у одного моряка возле устья Рейна в Северном море. – Да, твои мысли правильные – они будут невероятно опасны для твоего народа под водой. – Меня пронзает шок от понимания. – И королевство строит подводные лодки для войны?

Хаунештад всегда отправлял своих людей работать на лодках в голодную пору. Военные времена могут не сильно отличаться.

Девушка кивает.

– Вся Дания, включая Хаунештад, официально придерживается нейтралитета. Однако юноши в южных регионах находятся достаточно близко к Германии, и их забирают в армию. Так что Хаунештад – вся Дания вообще-то – в состоянии войны, хотят они этого или нет.

Мальчики, украденные ради войны. Они просто тела. Тела на телах. Думаю, можно даже сказать, что Николас или любой другой правитель, теряющий гражданских в пользу иностранных сил, захочет убедиться в успешности этих сил.

– Николас теперь король Хаунештада, не просто принц. – Снова новости для меня. Эти известия объясняют его скорую свадьбу. – Так что ему придется одобрить эти подводные лодки. Не знаю, как это работает на суше, но здесь отец решает все, что может принести потенциальную боль или доход.

Доход? В войне? Не могу связать эту мысль с моим Ником. Хотя его внук – не тот парень, которого я любила.

– И ты веришь, что он может получить выгоду?

– Зачем же еще Николасу помогать без объявления войны? – отзывается девушка. Ее ярость горит, но направлено это чувство не на меня. – Скорее всего, он зарабатывает даже на минах, которые установил в море.

Я знаю все о минах. Они ежедневно взрываются за пределами моего логова – свидетельство того, что бушует наверху.

Руна качает головой.

– Они предназначены для вражеских кораблей, но опасны для всех нас здесь, под водой. Я нахожу нечто тревожное в человеке, который размещает настоящие бомбы в море, не заботясь, кто или что способно спровоцировать взрыв.

– И твой народ погибал от таких действий.

– Пока нет, но ранения были. Киты, акулы и рыбы от самой маленькой до крупнейшей уже погибали. Если взрывается корабль, его отлетающие части могут убить кого угодно вокруг. – Русалка прерывисто выдыхает. – Уже и так все достаточно плохо. Кто знает, сколько продлится война?

Значение всего происходящего накапливается, словно гора между нами. Тени танцуют в предрассветных часах. По-своему я под защитой собственной тюрьмы. Охраняема от внешнего мира буйками, давным-давно установленными Ником. Мое убежище недоступно тем, кто решит зайти в черный пролив. Но они кидают куклы Санкт Ханса Афтена в мои воды каждый год. Не все, конечно. Только те, кто верит в историю о ведьме, принце и заклинании, которое вернула его с порога смерти.

Русалка продолжает смотреть на меня.

– Позволь мне это сделать. Помоги спасти ее. Преврати меня. – Она осмеливается схватить меня за руку свободной от ножа рукой. – Пожалуйста, пожалуйста. Пожалуйста, позволь мне это исправить. Я не могу потерять Алию.

Кое-что из рассказов тети Хансы вырывается из старых воспоминаний и поднимается на поверхность разума.

Одиночество – самый слабый предлог для колдовства. Оно создает ужасную смесь вместе с гордостью и невежеством.

Она хотела упрекнуть меня моей помощью Аннамэтти, но я знаю: это другое. Эта девушка одинока, потому что речь идет о ее сестре. Ее двойняшке. Ее второй половине.

Руна не гордая. Не невежественная – она знает намного больше о сложившейся ситуации, чем я ведала о некогда знакомой девушке. Это уж точно.

И она всячески продемонстрировала мне, что убьет короля ради спасения как своей сестры, так и морского народа, которому угрожают подводные лодки и мины.

В голове вращаются разные варианты. Кто выживет, кто умрет? Что станет с нарушением магического баланса, если на суше окажется еще одна русалка? Очередное превращение. Это лишь догадки, но, может, мы все получим то, чего хотим.

Я кладу свою руку на ее. Мы не держимся друг за друга, словно рыбы, наколотые через брюхо на пику. Ее рука теплая и слегка напоминает мне о доме.

– Я превращу тебя, но слушай внимательно. – Глаза девушки широко распахиваются в облегчении. – Вот что ты должна сделать. Как я тебе и сказала, кровь умирающего Ольденбурга, пролитая ударом ножа, должна попасть на ноги твоей сестры. Если это случится в последнее мгновение четвертого дня – на рассвете, потому что именно тогда она поднялась, – Алия выживет. Но она никогда не сможет снова стать русалкой.

Руна сглатывает:

– Никогда? Даже с помощью ножа?

– Условия ее сделки иные. Магия серьезно относится к превращениям – море не сможет забрать ее. – Я обхватываю щупальцем талию девушки. – А вот твоя сделка другая.

Я слежу за ее глазами, позволяя усвоить сказанное. Губы русалки начинают дрожать. Я ее не виню – Руна чувствует, что уже потерпела неудачу. Ведь ее сестра никогда не сможет стать русалкой. Однако глаза девушки остаются горящими и неподвижными.

– Твоя сделка, Руна, будет касаться определенного действия. Ты должна помочь сестре. Но все же Алия должна убить парня этим ножом. Этого я не могу изменить. Ее жизнь была ее сделкой, не твоей. – Правда еще больше сокрушает несгибаемость Руны. – Но оказавшись рядом, как и всегда, ты наделишь сестру самой большой силой. Хочешь, чтобы я продолжала?

Руна подавляет всхлип и кивает.

– Когда Алия позволит крови пролиться на ноги, чтобы выжить, ты должна кое-что сделать, чтобы вернуться в море. Тебе нужно забрать красное кольцо парня и нож. Потом ты должна брызнуть кровью короля на свои пальцы ног. Если не сделаешь хоть что-то к концу четвертого дня после твоего прибытия туда, включая передачу мне кольца и ножа, ты навсегда останешься человеком.

Она сглатывает:

– Я… я не стану пеной в приливе? Если потерплю неудачу, то стану человеком?

– Не думай, что потерпишь неудачу, – ты пришла сюда не ради провала.

Девушка мгновение крепко жмурится и потом возвращается ко мне.

– Хорошо.

Мое щупальце соскальзывает с ее талии. Я отпускаю руки русалки, пока она повторяет мои слова. Правда, тут о многом нужно подумать. И полагаю, Руна в

последнюю очередь желает стать человеком – в отличие от Алии. Но это было до вести о том, что ее сестра может умереть.

– Итак, ты согласна?

Рука кивает, прежде чем произнести слова:

– Да, я согласна.

Я смотрю на русалку внимательно, чтобы убедиться в искренности ее слов. Но Руна не дрожит под моим тяжелым взглядом.

– Дай мне нож.

Она молча протягивает оружие. Немного колеблясь, я берусь за рукоять и подношу нож ближе. Изучаю неровный край – так хорошо вырезанный коралл, что он почти прозрачен в своей остроте.

– Дай мне свою руку.

Русалка протягивает левую руку над котлом. Умная девочка. Она держала нож в правой руке, доминантной. Может, русалка и верит в предстоящее превращение, однако она сомневается, что я не отправлю ее на миссию без какой-то важной части тела.

Чтобы показать свое доверие, вместо этого я обхватываю ее запястье шелковистым, гладким и нежным щупальцем. Котел глубокий и темный, словно ночь. Из него поднимается жар – часть моей особенной магии. Я поднимаю руку над котлом, чтобы наши руки оказались рядом. А потом без предупреждения или сомнения провожу ножом по своей ладони. Темная, как оникс, кровь стекает в серую гладь воды. Искрясь, жидкость медленно смешивается с магией, что клубится внутри.

Взгляд девушки остается прикованным к ножу. Руна ждет, понимая, что наступила ее очередь. Моя кровь стекает на ее открытую белую ладонь. Потом нож рассекает и ее кожу. Руна не двигается, не отстраняется и даже не морщится. Красная, словно цветы ее сестры, кровь смешивается с серостью. Я

беру русалку за руку и сжимаю. Наша кровь стекает в котел одним ручейком.

С каждой новой каплей котел загорается мягким внутренним светом. У него то же серебристое свечение, что и у полной луны на мелководье. Завораживающие лучи отражаются вспышками звезд в янтарных глазах девушки. Я делаю глубокий вдох и затем позволяю глубокому и командному голосу эхом отдаться от полипов, используя все силы, которые мне дали ее цветы.

– Lif. Saudi. Minn lif. Minn bjod. Sei?r. Sei?r. Sei?r.

Когда я произношу последние слова заклинания, котел начинает дрожать от света – ослепляющего и яркого. Такого сильного, что он превращает весь этот песочный мир в чистую яркую белизну.

Когда заклинание завершено, свет мгновенно уходит. В глубинах котла кружится серебристая жидкость – словно там расплавлены лучшие жемчужины океана.

Я поднимаю перед нами щупальце, сжимая в нем маленькую бутылочку. Она похожа на ту, что я дала Алии. Это пузырек светлого зеленого цвета, он словно олицетворяет силу нового весеннего солнца. Я опускаю бутылочку в зелье, наполняю ее до краев, а потом закрываю пробкой.

– Пей это зелье небольшими глотками. Так ты не утонешь, – говорю я, а потом в последний раз напоминаю: – У тебя четыре дня на себя. Два на сестру. Кольцо, нож, кровь.

Девушка осторожно хватает бутылочку и нож и прижимает к сердцу. А потом повторяет список действий.

– Кольцо, нож, кровь.

Когда она поворачивается, клянусь, я снова слышу ее голос. Он шепотом повторяет одну и ту же фразу:

– Я иду, Алия. Я иду.

8

Руна

На поверхности первые лучи рассвета уже скользят по горизонту. Яркое белое сияние над проливом Эресунн обещает быстрое приближение солнца. Утренний свет касается берегов Хаунештада и подсвечивает верхушки гор за городом. Все остальное же пока покрыто стальными тенями логова морской ведьмы.

Игра рассвета могла бы показаться красивой, если бы не означала: для Алии потерян еще один день.

Я иду, Алия. Я иду.

Я придерживаюсь теней от скал, обнимающих черную бухту морской ведьмы. Зелье в одной руке кажется таким же тяжелым, как нож в другой. Мне нужно найти место для превращения. Кажется, морская ведьма упоминала: лучше всего принять зелье на мелководье. Легко представить Алию два рассвета назад, превращающуюся на главном пляже. Она подобрала время так, чтобы совпасть с любимыми утренними прогулками короля. Она неделями пропускала завтрак, чтобы просто посмотреть, как он бродит по берегу, бросает палки собакам и осматривает свое королевство.

Но с нынешнего места я вижу: главный берег Хаунештада уже заполнен горожанами. В доках возле берега шумят люди. Виднеются запряженные лошадьми и везущие груз телеги, мигающие фонарями, которые через пару минут уже не понадобятся. Многие поднимаются прямо по узкой кирпичной дорожке. Она бежит вдоль океана и ведет к Ольденбургскому замку. Эти люди перевозят вещи, необходимые для подготовки к свадьбе, – в этом я уверена.

Остальная часть пляжа тоже воспевает предстоящее событие. Крошечные бумажные фонарики свисают с шестов на главной площади ближе к замку. Костровая яма находится на одной стороне, на другой – алтарь. Мне однажды сказали, что Ольденбургам нравилось жениться у моря, на палубах их великих кораблей. Но, полагаю, праздник бы обернулся катастрофой, если бы свадебная процессия попала на мину в водах, которые жених считает своими.

Я не вижу молодого короля на утренней прогулке. Пока нет. Но, скорее всего, он скоро здесь окажется. Возможно, с Алией, если мне повезет. Я засовываю нож и бутылочку в лиф, прижав их к колотящемуся сердцу и семенам рикифьора. Цветки я спрятала туда перед возвращением в логово ведьмы. Теперь мой ценный груз в безопасности. Я огибаю черный грот и выбираюсь с другой стороны Хаунештада – ближе ко входу в замок с его мраморным балконом. Здесь утесы встречаются с водой. Это место так отличается от остальных плоских территорий маленького королевства Дания.

С этой стороны, перед замковым каналом, находится странная каменная арка. Она раскинулась над трещиной в скалах. Протекающая внизу вода глубокая и безопасная. Я проплываю через нее в маленькую лагуну. На отрезке пляжа между двумя большими валунами, похожими на часовых у устья, находится маленькая пещера. С одной стороны расположились крутая каменная лестница и серпантины. Они ведут вверх к обрыву. Я напрягаю зрение в тусклом свете, чтобы точно увидеть, куда ведет дорожка. Однако там только деревья, скрывающие утес от замка сверху.

Да, это место подойдет.

Но сначала мне нужна одежда.

Ведьма не дала мне никакой одежды. Предстоит сделать ее самой, используя подручные средства. А у меня их немного. Песок, скалы и вода. Но под водой… вот там есть то, что можно было бы использовать. И потому я провожу последние часы рассвета, доставая из лагуны водоросли. Этого мало, но по крайней мере достаточно, чтобы смастерить юбку в придачу к моему морскому лифу.

Мой лиф из морской кости, цвета бивня тюленя. Эйдис связала его части между собой полосками из тысяч жемчужин. Она не желала, чтобы ее сестры носили парусину, подобно остальным. Учитывая все те шелка и корсеты, которые вчера утром Алия носила во дворце, мне повезло, что у Эйдис такие высокие стандарты.

Как только у меня оказывается достаточно водорослей – темно-зеленых и напоминающих о подходящем к концу лете, – я раскладываю все это на берегу и закрываю глаза.

– Snua. Efni, – приказываю я.

Прохладное дуновение магии касается кожи. Моя уверенность возрастает.

Моя магия работает здесь.

Глаза распахиваются. Повторяя заклинание снова и снова, я смотрю, как магия делает свое дело, скручивая, переплетая водоросли и сплетая их в косички. Каждая частичка высыхает до лакированной твердости, как только оказывается на своем месте.

– Snua. Efni.

– Snua. Efni.

– Snua. Efni.

Совсем скоро водоросли сплетаются в юбку – кстати, достаточно красивую – блестящую и такого же насыщенного цвета, как и лучшие изумруды. Я оборачиваю ее вокруг талии, закрепляя последним широким отрезком водорослей. Он завершает мое платье, словно шелковая лента. Странно ощущать, что что-то, помимо воды, касается моего хвоста. Осталось еще немного водорослей. Я оставляю их на берегу, а сама выбираюсь в мелководье – они точно кому-то понадобятся.

Довольная, я достаю нож и зелье. Половина моего тела над водой, половина – под. Льющийся поверх скал свет попадает на бутылочку. Солнце теперь находится намного выше в небе, хотя свет все еще голубоватый после уходящей ночи. Зелье внутри баночки светится, словно луна безоблачной ночью, – такое непрозрачное, что кажется почти белым. Эликсир мерцает, словно живой. Может, так и есть. Я бросаю последний взгляд на хвостовой плавник. Мой хвост вздыхает в песке под подолом нового платья.

– Не смотри на меня так, – обращаюсь я к нему. – Я тебя верну.

Я вытаскиваю пробку.

Вперед.

Жидкость кажется прохладной, но, попав внутрь, обжигает. Огненная вода покрывает язык, горло и живот. Тепло распространяется по моему телу так же быстро, как пуля выскакивает из пистолета. Внезапно я само солнце – пульсирую жаром, который мы редко чувствуем под водой.

Я сжимаю нож в руке, заставляя себя не ронять его. Пальцы немеют. Баночка уже упала – ведь я могу сосредоточиться сейчас только на чем-то одном. Я плавлюсь. Я такая же жидкая, как море, – горячая, теплая, окутанная паром. Только один нож твердый. Он подчиняется огню, а я и есть огонь. Огонь и ярость – и больше ничего.

Это ощущение такое мощное, что я задумалась, не совершила ли огромную ошибку в своей ярости и отчаянии. Вдруг морская ведьма состряпала зелье, чтобы покончить со мной, а не помочь. Старая обида, смешавшись с недавним нападением отца – и вот одним простым ударом можно убить двух детей морского царя. Но как только появляется эта мысль, жар отступает. Тепло охлаждается до чего-то твердого. Прочного.

Ноги.

Кости и мышцы, сухожилия, артерии и вены.

Лодыжки и пальцы ног.

Легкие трепещут в груди. Они больше не подходят для обоих миров. Они созданы только для одного – и это не мой дом. Я вдыхаю столько воздуха, сколько способны удержать мои легкие. Внезапно мне так необходим этот вдох, хотя я не пробыла под водой и нескольких минут. Лишившись тела русалки, я почему-то чувствую: вокруг стало намного холоднее. Я сразу же начинаю дрожать, а адреналин все равно носится по венам.

Я выбираюсь из волн прилива. Новые ноги подгибаются под моим весом. Пальцы зарываются в неровный песок. Просто поражает, что я целая и твердая. Я смотрю мимо своей юбки из водорослей на пальцы, такие белые на песке. Я человек. И теперь мои минуты исчезают, как и время моей сестры.

Я пробую пройтись и делаю пару неловких шагов. Переменчивая природа песков под ногами не помогает. Я почти падаю. А потом понимаю: даже если пойму, как ходить, этого все равно недостаточно. Мне нужна обувь.

Я возвращаюсь и беру лишние водоросли.

– Snua. Efni, – произношу заклинание, но… магия, которую я призвала, кажется далекой.

– Snua. Efni, – повторяю я. Может, это чем-то поможет.

Помогает. Однако чувство отстраненности остается, хоть водоросли и начинают повиноваться и сплетаются сначала в одну тапочку, потом в другую.

Я все тянусь и тянусь к магии, пока она делает свое дело. Сила слышит меня, но словно с другого конца комнаты, не из моих вен. Спустя некоторое время – дольше, вопреки ожиданиям; на несколько минут дольше создания целой юбки – мои тапочки готовы. Они не продержатся долго, но пока что сойдут.

Когда я заканчиваю, небо уже успевает обрести ровный синий оттенок. Тепло рассвета ушло. Начался новый день. Прошло уже два дня. Пора найти Алию.

9

Руна

Ступеньки и извилистая тропинка сразу же подвергают проверке мое новое странное тело. Шишковатые камни и своенравные корни рвут подошвы моих тапочек. Мышцы икр и бедер растягиваются и сжимаются от движения, пока я забираюсь вверх. С каждым шагом лагуна становится все меньше. Никаких перил нет. Я удерживаю равновесие, раскинув руки. Нож и маленький мешочек с рикифьором надежно спрятаны на груди.

Наконец добравшись до верхушки утеса, я тяжело дышу. Мне с трудом удается втягивать воздух в непривычные легкие. На мгновение я останавливаюсь, чтобы

перевести дыхание и взглянуть на пролив Эресунн. Он блестит под солнцем. Но у меня нет времени просто так стоять. Как только дыхание выравнивается, я поворачиваюсь спиной к океану и бреду по тропинке прочь от ступенек.

Меня учили, что осенью деревья сбрасывают листья. Здесь же они все еще зеленые и цепляются за ветки: уже на грани превращения, плотные и яркие в лучах солнца нового дня. Сквозь них видны лишь кусочки замка на холме. У меня не получается идти вперед, смотреть вверх и при этом не спотыкаться. Так что я опускаю взгляд на землю и внимательно выискиваю корни перед каждым шагом. Куст цепляется за платье. Я понимаю, что нужно быть аккуратнее – попасть в компанию короля и без того достаточно сложно, а если я еще и буду выглядеть так, словно вылезла из леса, это уж точно вызовет тревогу.

По пути я пытаюсь убрать волосы в прическу, понимая: такая короткая стрижка не поможет – это выглядит необычно и отпугивает. Но ни одно магическое заклинание, приходящее на ум, этого не изменяет. Ничто не помогает. Значит, так сойдет.

Вскоре я подхожу к коттеджу под деревьями. Он маленький и старый. Даже не заглядывая в ставни, я понимаю, что здание заброшено. По какой-то причине в памяти всплывает Николас и его блестящие вещички. Как могут люди так любить свои вещи при жизни, а потом оставлять их гнить после своего ухода? Так же ли они обращаются со своими людьми – или только с другими вещичками, которые собирают за жизнь?

Мимо коттеджа проходит обозначенная тропа из булыжников, ставшая со временем гладкой. Камни прижимаются друг к другу, словно кривые зубы. По сторонам тропы разрослась трава. Там, где булыжники встречаются с дорогой, появляются большие кирпичи. Они бегут вдоль набережной – вдоль пляжа, мимо маяка и доков. Кирпичная дорога поднимается по холму к замку и самому городу. Он полон ярких красок, а его крыши напоминают шляпки ведьм.

Я мгновение колеблюсь, размышляя о прогулках Николаса по берегу и возможности увидеть Алию в его компании. Даже не зная условий магии Алии, король не может быть настолько глупым, чтобы продолжать наслаждаться прогулками по берегу и нежными поцелуями со своим «найденышем» после приезда будущей невесты. Если Николас не способен или не хочет понять этого, будущая жена может убить его – если мы с Алией не доберемся до него первыми.

Я поворачиваю к замку. Он тяжело сидит на холме: идеально квадратный, с каждой стороны по башенке. Ухоженные, почти сказочно зеленые лужайки растекаются у подножия. Их останавливают лишь физические границы – приморская дорога, сам океан и ряд достаточно величественных домов. Последние торчат из земли, будто ограничитель двери.

Стража замка высыпала на одну из лужаек. Их сапоги блестят, волосы напомажены. Они репетируют построение, как я думаю, для свадебной церемонии.

Несмотря на организацию стражи, все остальное – настоящий хаос. Люди бегают в разные стороны, разгружают телеги – рулоны ткани, несезонные фрукты с ручных тележек, охапки столовых свечей. Они даже разгружают людей: лакеи в униформах спешат показать направления дамам в шелках и господам в накрахмаленной одежде. Те выходят из автомобилей и направляются по идеально ухоженным дорожкам к замку.

Хаос создает укрытие. За это я невероятно благодарна. Глубоко вздохнув, я натягиваю на лицо улыбку и присоединяюсь к мужчинам и женщинам в красивых нарядах. Моя одежда легкая по сравнению с их нарядами. Следует быстро найти что-то с рукавами или шаль. В то же время я посылаю молитву Урде, благодаря Эйдис за чувство вкуса. Жемчуг лифа спасает меня, как и магия, создавшая юбку.

Процессия гостей, прибывших на свадьбу, останавливается прямо за дверьми, где замковые стражи проверяют имена, сверяясь с пергаментом. Льется поток титулов на различных языках. Большинство датские и немецкие.

Хертуг. Маркис. Греве. Фрихерр. Барон.

Герцог. Пфальцграф. Маркграф. Рейхсфрайхерр. Герр.

Я занимаю место между двумя служанками. Те направляются к мраморному балкону. Не знаю, где будет Алия. Однако если король действительно человек привычки, как посчитала моя сестра, то это предположение логично.

Но предположение, улыбка и подходящее платье недалеко меня уводят.

– Могу я вам помочь?

Я замираю, услышав мужской голос. Он обращается ко мне из перекрестка коридоров позади. Я снова натягиваю улыбку и проверяю, чтобы подбородок был поднят высоко, прежде чем представиться.

Я сжимаю зубы и поворачиваюсь… Это он.

Парень с балкона с милой улыбкой и тихим голосом.

Уилл.

Светло-каштановые волосы аккуратно зачесаны набок. Голубые глаза цвета прилива в сумерках. Широкие плечи напоминают мне об отце больше, чем следовало.

Я готовлюсь к замечанию. История, которую я приготовила по пути, уже готова сорваться с языка. Но потом Уилл награждает меня красивой улыбкой. Я понимаю, что не являюсь подозреваемой, – он пытается быть дружелюбным. Меня так поражает собственная удача, что я мгновение подыскиваю слова.

– Я… я, да, – говорю я. – Я ищу Алию.

Его губы слегка вздрагивают. Я понимаю свою ошибку. Я сглатываю и пробую еще раз. Мне было бы легче, если бы парень вот так на меня не смотрел.

– Простите, давайте я попробую еще раз. – Я отвечаю ему улыбкой. – Моя подруга, – начинаю я рассказ, потому что знаю: Алия может отвечать на вопросы «да» и «нет». Возможно, она что-то говорила о семье. – Она пропала два дня назад. Ее след привел сюда. Подруга не может говорить, но ее зовут Алия.

Глаза парня загораются. На его носу появляется дьявольская морщинка.

– О да, я точно знаю, о ком вы говорите, – думаю, все с этой стороны Перехода Лиль Бьерг знают. – К моему облегчению, у него вырывается смешок. – Король будет рад вас здесь видеть…

Он замолкает. Я понимаю, что юноша хочет узнать мое имя.

– Руна. Меня зовут Руна.

– Руна Спасительница, – говорит он со смешком. По животу разливается тепло. Он не представляет, как я надеюсь, что именно так и будет. – А я Уильям, но можете звать меня Уилл. – Он протягивает мне руку. Пиджак юноши темный и идеальный. – Пойдемте со мной. Я только что от них.

Я беру его под руку. Почему-то идти становится лишь сложнее. Словно меня лишает равновесия его близость. Я не та девушка, что скачет повсюду под руку с парнем. Мне все это видится как представление. Возможно, так и есть – такой замок и такой король. Может, все тут поставлено как в лунной пьесе.

Уилл ведет меня по дворцу. Мы болтаем ни о чем. Я благодарна за это. Ненамеренно он дает мне необходимые намеки. Их достаточно, чтобы подправить историю из моей головы о том, кто такая Алия и откуда она.

– Он нашел ее на берегу два дня назад в старом бальном платье. Николас – король – сказал, что все выглядело так, словно она сошла прямо со старой фотографии на песок.

В животе нарастает тепло, когда я понимаю: может, морская ведьма не отправила Алию в логово льва совершенно неподготовленную. Она не дала мне одежду, чтобы прикрыть наготу. Однако ведьма, должно быть, поделилась вещицей из своих дней с Алией, чтобы та не вылезла на пляж голой. Полагаю, это проявление доброты.

– У нее особая любовь к моде прошлого… и танцам.

– Я бы сказал, что Николасу нравятся оба эти ее интереса. – Он снова смеется, но потом понижает голос до заговорщицкого шепота: – Честно говоря, если бы это не моя собственная кузина выходила замуж, я бы принял Алию за невесту. Николас просто очарован ею. – Я стараюсь изо всех сил сохранять спокойное выражение лица – если бы только магия дала ей сорок дней, а не четыре. – Но не говори об этом Софи, или она выкинет меня с балкона.

Уилл ведет меня вверх по лестнице, а потом по коридору. Когда мы уже собираемся отправиться в нечто похожее на очередной бальный зал, в коридор проскальзывает Алия. Она смотрит на доски пола. Лицо девушки перекошено – она не готова к компании. И точно не ко мне.

Я предупреждаю ее как только могу.

– Алия! О моя дорогая подруга, я так за тебя переживала! – Я отпускаю руку Уилла и бегу к ней, когда сестра поднимает голову. Крепко обнимаю ее. Лицо сестры оказывается прижатым к моему плечу, прежде чем на нем успевает появиться реакция.

– Я здесь. Все будет хорошо. Пожалуйста, не злись. – Я сжимаю ее в объятиях еще раз. – Улыбайся.

Мы отстраняемся. Алия приветствует Уилла. Внезапно ее глаза светятся – они ожили.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Традиционная датская выпечка.

Купить: https://tellnovel.com/henning_sara/naslednicy-morya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити